

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАМѢТКИ О БѢГЛЫХЪ И БРОДЯГАХЪ (*)

ВЪ РОССИИ И СИБИРИ.

Посѣщая постоянно около пяти лѣтъ, прежде по званію врача, а потомъ директора тобольскаго тюремнаго комитета, мѣстный острогъ, этотъ главный пунктъ, куда стекаются пересыльные арестанты со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи, а также арестантскую роту, по званію попечителя, и не придерживаясь въ обращеніи съ ними натянутыхъ официальныхъ пріемовъ, никогда не вызывающихъ людей несчастія на откровенныя, задушевныя повѣствованія о своихъ пожденіяхъ, мы успѣли собрать отъ нихъ множество разказовъ объ особенномъ классѣ острожнаго населенія—бродягахъ, о которыхъ рѣшаемся передать свои замѣтки. Думаемъ, что онѣ не будутъ лишними, когда наша литература и правительство занимаются разработкою вопроса объ улучшеніи быта арестантовъ въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія.

Бродяжество составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ русской народной жизни. Основное качество бродячества — неизмѣнне узакон-

(*) Бродяги на ихъ собственномъ языкѣ называются *горбачами*. Это ихъ лозунгъ, по которому они узнаютъ другъ друга. Они ничего не имѣютъ общаго съ бѣгунами софьловскаго или аонасьевскаго толка.

ненных письменных удостоверений о личности, которое на канцелярскомъ языкѣ, способномъ изобрѣтать слова въ родѣ: убитіе, умертвіе, вынутіе и т. п., извѣстно подъ названіемъ безписьменности. Другая сторона понятія о бродяжествѣ, необходимое послѣдствіе безписьменности, заключается въ скрытіи происхожденія. По совокупности этихъ двухъ сторонъ русское законодательство отличаетъ собственно бродягъ отъ бѣглыхъ. Бродягами по уставу о паспортахъ буквально признаются люди, жительствующие, переходящіе и переѣзжающіе изъ мѣста въ мѣсто не только безъ вѣдома полицейскихъ начальствъ, но и безъ всякихъ средствъ показать настоящее свое состояніе, званіе, или же упорно отъ того отказывающіеся. Сюда принадлежатъ: непомнящіе родства, ложно о себѣ показывающіе и имѣющіе фальшивые виды. Бѣглыми же считаются всѣ тѣ лица, которыя отлучились отъ своихъ командъ, обществъ или помѣщиковъ безъ надлежащаго дозволенія далѣе срока и мѣста, опредѣленнаго для временныхъ отлучекъ закономъ, и далѣе мѣста, означеннаго въ выданныхъ имъ видахъ (*). Бѣглыхъ и бродягъ можно раздѣлить на три класса: по состояніямъ и званіямъ, исключительному положенію въ обществѣ и образу жизни. Къ первому господствующему классу преимущественно относятся бѣглые и бродяги изъ податныхъ сословій и люди военнаго званія или военные дезертиры; ко второму, — ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, и наконецъ, къ третьему — нищія кочевые. Бѣглые и бродяги разбѣяны на всемъ пространствѣ Имперіи. Они встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи и Сибири, такъ напримѣръ, въ Новороссіи, за Байкаломъ. Бѣглые и бродяги проживаютъ даже въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Въ Петербургѣ, въ мартѣ 1862 года, было арестовано полиціею въ домѣ князя Вяземскаго бродягъ и разнаго званія людей, не прописанныхъ по дому, въ одинъ разъ 103 человекъ (**). Въ Сибири есть и захожіе изъ Россіи бѣглые и бродяги, есть и туземные странники, между которыми обращаютъ на себя особенное вниманіе по численности ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы. Большинство изъ служащихъ у генерала Кукушкина (***), не имѣя и фальшивыхъ свидѣтельствъ о своей личности, скрываютъ свое происхожденіе подъ обыкновенными фамиліями Ивановыхъ, Петровыхъ, Михайловыхъ, и т. п., ими самими

(*) Ст. 382 XIV тома Уст. о пасп. и бѣгл. (изданія 1837 г.)

(**) № 83 «Сѣв. Пчел.» за 1862 годъ.

(***) Такъ въ насмѣшку называютъ въ Россіи бродягъ, которые дѣлаютъ побѣги изъ тюрьмы и другихъ мѣстъ содержанія въ началѣ весны, когда закукуетъ въ лѣсу кукушка. Въ Сибири бродягъ-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ называютъ вѣстовыми генерала Кукушкина.

придуманнѣми или позаимствованными. Извѣстно, что арестанты во время своего заключенія, нерѣдко изъ-за денегъ, для облегченія участи, ожидающей кого нибудь изъ товарищей за сдѣланное преступленіе, мѣняются между собой прозваніями. У бродягъ есть довольно забавныя фамиліи, вымышленныя ими подъ открытымъ небомъ, на свободѣ, а чаще всего отъ бездѣлья въ тюрьмахъ, напримѣръ: Иванъ Шугай, Григорій Савельевъ Журенко (онъ же и Махненко), Иванъ Грученковъ (онъ же Гроченковъ), Василій Мухомѣдовъ (онъ же Климычъ и Яковъ Войтенко). Иныя бродяги, изъ желанія скрыть свое происхожденіе, просто забавляются при допросахъ, придавая себѣ юмористическія названія, характеризующія бродячую жизнь, напри- мѣръ, *Махидрало*, *А я за нимъ*, *Тоши не зъвай*, *Шатачивай небось* (*). Въ числѣ бродягъ, какъ на уродливое уклоненіе отъ законовъ естественнаго здраваго смысла, нужно указать на «непомнящихъ родства». Подъ этимъ новымъ видомъ безпаспортнаго странничества, неизвѣстнаго нигдѣ кромѣ Россіи, разумѣется бродяжество, соединенное съ мнимымъ забвеніемъ родственныхъ связей, которое изобрѣтено бродягами для избѣжанія наказанія за болѣе важныя преступленія. У насъ задавали себѣ вопросъ, что при такомъ мотивѣ гражданскаго существованія «непомнящихъ родства», не слѣдовало бы законодательству и допускать этотъ родъ бродячества; между тѣмъ, оно не только терпитъ бродягъ непомнящихъ, но и придаетъ значеніе ихъ показаніямъ, повѣряя эти показанія официальными справками. Подобный фактъ, по мнѣнію Р. Игнатъева (*), объясняется увѣренностью законодательства въ возможности открыть пристанодержателей этихъ бродягъ и пособниковъ ихъ въ преступленіяхъ, на которыхъ часто ссылаются непомнящіе родства; однакожь по большей части показанія такихъ бродягъ не подтверждаются. Непомнящіе родства всегда указываютъ на личности вовсе неизвѣстныя имъ, даже небывалыя, для того, чтобы затѣять дѣло, запутать его, а потомъ, при благопріятномъ случаѣ, бѣжать изъ тюрьмы. Бродяжество подъ формою забвенія родства пользуется у насъ давнишнимъ авторитетомъ. Эти бродяги скитаются поодиначкѣ и семействами съ молодыми и старыми представителями своей среды, давая себѣ вмѣсто фамилій титулы *непомнящихъ*, *неизвѣстныхъ*, *безъ прозванія*, *безъ отечества*, а нѣкоторые изъ нихъ, носятъ по прихоти скромныя имена: *Иванъ*, *Михайло*, *Адамъ*, *Евза* и т. п.

Подъ категорію бродягъ, непомнящихъ родства, въ томъ смыслѣ,

(*) Записки изъ Мертваго Дома Ф. Достоевскаго.

(**) № 60 «Русскаго Мира» за 1861 годъ «Вопросъ о бродягахъ, непомнящихъ родства».

какъ обыкновенно понимаютъ ихъ, нельзя подвести тѣхъ безпаспортныхъ, которые по исключительнымъ обстоятельствамъ своей жизни въ самомъ дѣлѣ не знаютъ своего происхожденія. Такіе безпаспортные хотя и рѣдко, но встрѣчаются въ нашей дѣйствительности. Напримеръ, въ 1858 году, въ селѣ Тростянецъ, Харьковской губерніи, взятъ былъ за безписьменность и преданъ суду проживавшій въ томъ селѣ у разныхъ лицъ какой-то Игнатъ Непомнящій, котораго въ 1828 году, 8 лѣтъ отъ роду, нищѣ привели съ собою въ село Тростянецъ и отдали крестьянину Слобоеницкому. Эти личности не признаются по русскому законодательству бродягами, и потому сохраняютъ за собою права свободныхъ сословій (*). По нашему мнѣнію, сюда можно также отнести и такихъ безпаспортныхъ, которые, происходя по рожденію отъ бродягъ и покинутые ими въ малолѣтствѣ на произволъ судьбы, не въ состояніи объяснить свою генеалогію. Мы знали двухъ такихъ арестантовъ въ тобольскомъ острогѣ, которыхъ осудили какъ бродягъ, не открывшихъ своего происхожденія.

Быть бродягъ представляетъ много любопытнаго для изслѣдователя. Жизнь бродягъ исполнена обмацутыхъ надеждъ на лучшее будущее, различныхъ, часто преступныхъ похожденій, холода, голода и всевозможныхъ лишеній. Вотъ въ краткомъ очеркѣ эта незатѣйливая жизнь: бродяги вообще боятся людскаго глаза, въ особенности избѣгаютъ столкновеній съ полиціею, обходя даже города со строгими полиціймейстерами и городничими, а въ Сибири — татарскія селенія, ибо татары стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей и бьютъ наповалъ. Они живутъ лѣтомъ въ лѣсу, рѣдко нуждаясь въ какихъ бы то ни было пристанищахъ, зимою въ крестьянскихъ баняхъ, овинахъ и полевыхъ избушкахъ; питаются и прикрываютъ свою наготу на счетъ мірскихъ подаваній. Въ крайности, когда бродяги не безопасны отъ преслѣдованій крестьянъ, слѣдовательно не могутъ разсчитывать на подаваніе, добываютъ себѣ пищу и одежду воровствомъ. Болѣе смѣлые изъ бродягъ, при матеріальныхъ недостаткахъ, пускаются на выдумки: ходятъ по деревнямъ, воровать на картахъ, бобахъ, показываютъ фокусы, дѣлаютъ для крестьянскихъ бабъ присушки или привороты (**). Бродяги, имѣющіе фальшивые паспорта, поступаютъ въ услуженіе къ частнымъ лицамъ, работаютъ иногда на фабрикахъ и заводахъ, нанимаются на

(*) Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи къ оберъ-прокурорамъ правительствующаго сената о бродягахъ. (См. «Жур. Мин. Юстиціи» за ноябрь 1861 года).

(**) Такъ называютъ способъ сближенія двухъ половъ, состоящій въ наговорахъ на пищу, водѣ, винѣ, травахъ, человѣческомъ слѣдѣ, съ таинственною помощью нечистой силы.

суда, берутъ задатки, оставляя у судохозяевъ свои фальшивые виды, и скрываются; запасшись новыми подобными же документами, повторяютъ эту продѣлку съ другими лицами до тѣхъ поръ, пока не попадутся въ полицейскія руки. Относительно фальшивыхъ паспортовъ должно замѣтить, что фабрикаціей ихъ занимаются у насъ нѣкоторые отставные чиновники, выгнанные изъ службы, военные, волостные и сельскіе писаря, которыхъ на службѣ держатъ только потому, что они проглотили всю канцелярскую мудрость; иногда же въ поддѣлкѣ паспортовъ упражняются отставные солдаты. Цѣна фальшивыхъ паспортовъ не велика. Рассказываютъ, напримѣръ, что будто въ Москвѣ, гдѣ фальшивые паспорта продаютъ у Иверскихъ воротъ, можно навязать себѣ другое имя и фамилію не болѣе, какъ за плату отъ 5 до 10 р. с.; въ Петербургѣ въ кабакахъ и пивныхъ лавкахъ цѣна ихъ почти та же. Грамотные люди заготавливаютъ фальшивые паспорта для себя сами, или заново, или же, воспользовавшись чужимъ, вытравляютъ въ немъ прежнее имя и фамилію и вставляютъ новыя. Бываетъ и такъ, что у бродягъ находятся въ рукахъ и дѣйствительные паспорта, только не принадлежащіе имъ, а украденные у кого нибудь, или пріобрѣтенные ими за деньги. У военныхъ дезертировъ, по ихъ выраженію, часто шинель замѣняетъ паспортъ. Бѣглый солдатикъ, безъ письменнаго вида, до поры до времени бредетъ себѣ подъ видомъ благочестія, куда несутъ ноги, облачившись въ солдатскую шинель, по которой встрѣчаютъ и провожаютъ его, думая, что онъ безсрочноотпускной, и потому не спрашиваютъ у него паспорта. Между бродягами можно встрѣтить и торгашей, развѣзжающихъ по селамъ. Они продаютъ кое-какія мелочи обывателямъ, но не изъ барыша, а затѣмъ, чтобы выглядѣть у нихъ пожитки и потомъ обокрасть. Въ Новороссіи бродяги цѣлыми партіями работаютъ по году и болѣе на поляхъ у колонистовъ и помѣщиковъ за вознагражденіе, незначительное сравнительно съ рабочими, у которыхъ есть настоящіе паспорта. Если эти получаютъ за работу по 50 к. с. въ сутки, то бродягъ даютъ 50 к. ассиг. Конечно, пребываніе бродягъ у колонистовъ и помѣщиковъ не обходится безъ убытковъ для самихъ благодѣтелей. Полиція въ лицѣ исправника или становаго, провѣдавши, что у какого нибудь колониста или помѣщика проживаютъ бродяги, мигомъ налетаетъ на свою жертву; бродяги бросаются въ разсыпную, а помѣщикъ или колонистъ раздѣлывается съ полицейскими чиновниками за пристанодержательство; когда же они послѣ кормленія отправятся во свояси, старые порядки возобновляются. Бродяги выползаютъ изъ засады и начинаютъ собираться въ прежнее гнѣздо. Въ Новороссійскомъ краѣ случается, что бродяги находятъ себѣ пріютъ у корчмарей-евреевъ, для которыхъ они служатъ

доходною статью. Еврей, по природѣ жадный до грошей, беретъ въ три—дорога и за содержаніе бродяги, и за водку, выпитую имъ, да сверхъ того получаетъ условенный процентъ за трудъ сбыть хапаное, то есть вещи, украденныя бродягами, или доставшіяся имъ посредствомъ грабежа. Партіи бродягъ обыкновенно направляются въ Россію или въ Сибирь. Изъ Сибири бродяги идутъ въ Россію, потому что въ Россіи легче судятъ за бродяжничество, чѣмъ въ Сибири, а изъ Россіи въ Сибирь, потому что тамъ можно причислиться на вольное поселеніе (*). Въ Сибири бродяжество развито между ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами. Каторжные и поселенцы бѣгутъ съ заводовъ, а послѣдніе также съ частныхъ промысловъ и изъ мѣстъ причисленія. Они уходятъ съ заводовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, если удастся благополучно миновать Восточную Сибирь, показаться бѣглыми или бродягами въ Западной и поступить на тѣ заводы, гдѣ работы сноснѣе, или же идутъ въ Россію. Задумавшіе бѣжать съ завода запасаются на дорогу сухарями, кремнями, огнивомъ, тругомъ, котомкою, иглою, нитками, шиломъ, ножами, табакомъ и прочими необходимыми вещами. Эти бѣглые вообще люди неимущіе, оборванные. Между ними однакожь попадаются и порядочно одѣтые, у которыхъ есть неистасканный зипунъ, рубаха безъ прорѣхъ, прочныя сапоги и хорошій полушубокъ; у другихъ можно найти и волото, унесенное съ присковъ, и ассигнаціи, аккуратно зашитыя въ порты или воротъ рубахи. Каторжные и поселенцы, въ первый разъ давшіе тягу изъ заводовъ и съ частныхъ промысловъ и потому незнакомые еще съ дорогою, опасаются развѣдывать о ней у крестьянъ, ограничиваясь скудными свѣдѣніями отъ деревенскихъ женщинъ и дѣтей; подробнѣе они узнаютъ о направленіи пути отъ своихъ же собратьевъ по несчастію, изучившихъ *немногую* Сибирь (**), вдоль и поперекъ не по картамъ и руководствамъ, изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ натурѣ во время своихъ частыхъ и продолжительныхъ путешествій. Эти знатоки сибирской географіи, присоединяясь къ новичкамъ, дѣлаются для нихъ попугайками и вожакими. Странствованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Восточной и Западной Сибири сопряжены съ огромными, почти невѣроятными трудностями. Они проходятъ верстъ по 300 по бесплоднымъ дремучимъ тайгамъ, питааясь кореньями, грибами и кормовыми травами. Голод-

(*) Арестантское выраженіе. Имъ, дѣйствительно, иногда удается приписаться тамъ вмѣсто какого нибудь умершаго, разумѣется, заплативши порядочныя деньги писарю.

(**) Такъ въ сердцахъ называютъ Сибирь сосланные изъ Россіи, придавая ей тѣмъ значеніе холодной пустыни, на которой разгуливаютъ вѣтры и мятели.

ные бѣглые оживаютъ только тамъ, гдѣ есть крестьянское жилье. По общему отзыву бѣглыхъ, сибирскіе крестьяне не трогаютъ ихъ и не заставляютъ умирать съ голоду. Благодѣнія для бѣглыхъ сибирскіе крестьяне дѣлаютъ на сторонѣ, и если иногда пускаютъ ихъ въ свои дома на ночлегъ, то не держатъ болѣе сутокъ, изъ боязни быть обвиненными въ пристанодержательствѣ. Точно такъ же крестьяне въ Сибири рѣдко нанимаютъ бѣглыхъ на полевья работы, рѣдко пользуются другими услугами ихъ, разумѣется за дешевую плату, и дозволяютъ имъ жить въ волостяхъ только съ разрѣшенія волостнаго начальства, не всегда отличающагося въ Сибири безкорыстіемъ, и при томъ тогда, когда бѣглые хорошо ведутъ себя. Для бѣглыхъ сибирскіе крестьяне кладутъ на окно въ избѣ или на полку, устроенную снаружи дома вдоль стѣны, ломти ржанаго хлѣба, ставятъ кринку молока и ковшъ квасу. Это гостепріимство соблюдается, если бѣглые не пошаливаютъ. Впрочемъ, крестьянинъ кормитъ бѣглыхъ и не ловитъ ихъ не столько по состраданію къ угнетенному человѣчеству, сколько изъ страха, что иначе бѣглый отплатитъ ему зломъ — убьетъ его, обокрадетъ, подпалитъ домъ, или выкажетъ пристанодержательство, всегда доставляющее земской полиціи обильную поживу. Но не вездѣ въ Сибири оставляютъ бѣглыхъ въ покоѣ. Есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне ловятъ ихъ или бьютъ изъ винтовокъ, напримѣръ, въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губерніи, въ 50 верстахъ отъ города. Заклятые враги бѣглыхъ въ Восточной Сибири — это буряты. Они преслѣдуютъ бѣглыхъ верхами, вооруженные винтовками, захватываютъ ихъ и представляютъ связанныхъ своимъ тайшамъ, а тѣ отсылаютъ къ начальству. Бываетъ, что такіа преслѣдованія оканчиваются ожесточенными стычками, въ которыхъ, для подкрѣпленія нападающихъ, принимаютъ участіе даже бурятскія жены. Обыкновенно же буряты наѣзжаютъ на бѣглыхъ не затѣмъ, чтобъ ловить ихъ, а чтобы поживиться отъ нихъ золотомъ, утащеннымъ съ промысловъ (*), или просто обобрать бѣглаго на чистую и потомъ пустить его на всѣ четыре стороны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири бѣглые также подвергаются преслѣдованіямъ со стороны жителей (**), преимущественно

(*) У каторжныхъ и поселенцевъ, бѣжавшихъ съ заводовъ и съ частныхъ приисковъ, рѣдко находится золото; по большей части они имѣютъ при себѣ колчеданъ съ золотистымъ блескомъ, для расплаты съ бурятами за пищу и перевозъ черезъ рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буряты дружелюбно обходятся съ бѣглыми.

(**) См. рассказъ о знаменитомъ истребителѣ бродягъ, крестьянинѣ Томской губерніи, Парамонѣ, кончившемъ жизнь отъ руки одного бѣглокаторжнаго въ ужасныхъ мученіяхъ съ вырѣзаннымъ языкомъ и съ котломъ на головѣ, рассказаннымъ до красна («Русскій Миръ» 1860, № 97).

же инородцевъ—татаръ, которые клеймятъ ихъ позорнымъ прозвищемъ — варнакъ (*), собака, и наповаль кладутъ подъ винтовочные выстрѣлы. Кромѣ подавнѣй, бѣглецы въ Сибири поддерживаютъ свое насущное существованіе и другими способами, запрещенными закономъ. Напримѣръ въ деревнѣ Рыбиной, Енисейскаго округа, они грабятъ и воруютъ деньги и вещи у прикащиковъ, которые въ сентябрѣ мѣсяцѣ съѣзжаются въ эту деревню съ присковъ и кутятъ тамъ до безобразія въ своихъ квартирахъ, не пренебрегая даже заведеніями всероссійскаго откупщика Ивана Елкина.

Теперь нѣсколько словъ о бродяжемъ трактѣ. Бродяги изъ восточной Сибири идутъ въ Томскую губернію. Здѣсь прибываютъ къ нимъ новые товарищи, и такимъ образомъ собираются цѣлыя ватаги бѣглыхъ. Они бредутъ изъ Барабинской степи Томской губерніи влѣво, проселками между Омскомъ и Тарою, прямо на Курганскій округъ, откуда разсыпаются по Тобольской губерніи, иные же ташутся въ Оренбургскую; но вождѣнный предметъ стремленій бродягъ—Пермская губернія, съ завѣтною для нихъ рѣкою Чусовою, изъ которой бродяги плывутъ въ Каму, изъ Камы въ Волгу, а тамъ уже и поминай какъ звали! Въ Тобольской губерніи, кромѣ Курганскаго округа, бродяги находятъ себѣ притонъ въ округахъ Омскомъ, Тарскомъ, Ялуторовскомъ и Ишимскомъ. Изъ разсказовъ бродягъ извѣстно, что въ Ялуторовскомъ округѣ всего больше ихъ бываетъ въ волостяхъ Камышевской, прежде бывшей Терсютской, близъ деревень Степановой и Коршуновой, Красногорской и Рафаиловской, гдѣ бродяги живутъ въ лѣсу въ землянкахъ, нарочно устроенныхъ ими для своего убѣжища, дѣлаютъ гребни, вальки, пестери или плетушки (**), изъ березовой коры и вымѣниваютъ свои издѣлья у крестьянъ на пищу.

Что касается до ссыльныхъ, бѣжавшихъ съ частныхъ промысловъ и съ поселенія, то они или шляются по Сибири и иногда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ неожиданно-негаданно приходятъ въ волости, къ которымъ приписаны, или же пробираются изъ Сибири въ Россію.

(*) Этимъ словомъ называютъ въ Сибири какъ русскіе, такъ и инородцы всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ изъ Россіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ, оно есть сокращенное татарское слово *баранмакъ* (видъ глагола *бармакъ*) идти, или, по болѣе мягкому выговору татарскихъ нарѣчій, *варимакъ*, что означаетъ собою пассивное состояніе лица, путешествіе *по принужденію*. Этому соответствуетъ на русскомъ языкѣ прозвище *канатный*, которое даютъ въ Сибири ссыльнымъ, потому что въ пути, для предупрежденія побѣговъ, они по два въ рядъ привязываются съ обѣихъ сторонъ къ желѣзному пруту, проходящему во всю партію.

(**) Плетушки изъ березовой коры зовутъ въ Сибири пестерями; они плетутся на половину изъ старой почернѣвшей и молодой бѣлой коры, такъ что кажутся на видъ пестрыми.

Быть этихъ бродягъ во многомъ сходенъ съ бытомъ описанныхъ нами выше бродягъ ссыльно — каторжныхъ и ссыльно — поселенцевъ, но положеніе ихъ все-таки нѣсколько отраднѣе; эти бродяги въ своихъ дѣйствіяхъ независимѣе каторжныхъ и поселенцевъ, бѣжавшихъ съ заводовъ, которыхъ по поимкѣ ожидаетъ тяжкое наказаніе, каторга и долговременное ограниченіе въ правахъ, совершенно сглаживающее личность человѣка. О поселенцахъ вообще должно замѣтить, что они представляютъ собою непосѣдное племя, странствующее безъ билетовъ. Поселенцы живутъ въ Сибири безъ билетовъ и по волостямъ, и въ городахъ, занимаясь незначительными ремеслами, мелочною торговлею, или чѣмъ нибудь зарабатывая копѣйку на хлѣбъ; большинство же изъ нихъ, неспособные по старости и болѣзнямъ работать, питаются крохами съ мірскаго стола: они ходятъ по міру порознь и въ компаніи съ другими поселенцами по деревнямъ, волостямъ, городамъ. При продолжительныхъ отсутствіяхъ поселенцевъ изъ своей волости, случается, что волостные писаря за деньги зачисляютъ вмѣсто нихъ бѣглыхъ, лишь бы только примѣты этихъ бѣглыхъ были нѣсколько сходны съ примѣтами убылыхъ поселенцевъ.

Отдѣльный классъ бѣглыхъ и бродягъ составляютъ *нищіе кочевые*, которые безъ паспортовъ переходятъ за подаяніями изъ волости въ волость, изъ уѣзда въ уѣздъ; вереницами тянутся по всей губерніи съ ярмарки на ярмарку, или сопровождаютъ въ духовныхъ процессіяхъ чудотворныя иконы, обносимыя во время мѣстныхъ праздниковъ по губерніи. Новички изъ этихъ нищихъ на первыхъ порахъ своего поприща поступаютъ подъ протекцію извѣстныхъ нищихъ, которые уже приобрѣли себѣ эту репутацію по окончаніи полного курса нищенства. Эти нищіе-аристократы позволяютъ себѣ изрѣдка посибаритничать, сами остаются дома, а своихъ кліентовъ посылаютъ на промыселъ и употребляютъ для домашнихъ услугъ. Къ нищимъ-кочевымъ принадлежатъ странники-богомольцы, которые, не имѣя осѣлости, всю жизнь скитаются по святымъ мѣстамъ и часто пользуются усерднымъ гостепріимствомъ въ купеческихъ и господскихъ домахъ. Число ихъ поражаетъ громадностію цифры. По извѣстіямъ «Современной Лѣтописи» въ теченіи 1859 года богомольцевъ было въ Сергіевской лаврѣ до 230,000, въ Кіево-печерской до 136,000 слишкомъ, въ Воронежѣ до 20,000 и въ Соловецкомъ монастырѣ до 11,000 человѣкъ; итого 397,000 (*). Между этими-то странниками-богомольцами встрѣчается множество безпаспортныхъ и съ фальшивыми видами, удачно скрывающихъ свое происхожденіе до перваго печальнаго знакомства съ полицейскою властью.

(*) «Современная Лѣтопись» № 10, 1862.

Причины бродяжества можно раздѣлить на общія или историческія, особенныя или мѣстныя, моральныя и случайныя. Общія причины лежатъ въ основѣ нашего законодательства. Къ нимъ относятся: несовершенство паспортной системы, крѣпостное право до изданія положенія о крестьянахъ, строгая, продолжительная въ прежнее время военная служба и вообще трудность быта солдатъ, существовавшая до послѣднихъ преобразованій по военному вѣдомству. Несовершенство паспортной системы заключается въ томъ, что паспортъ имѣетъ у насъ не только значеніе документа, подтверждающаго личность предъявителя въ мѣстѣ его пребыванія, но и служитъ финансовымъ знакомъ, выражающимъ зависимость податнаго лица отъ своего общества по отправленію податей и отбыванію повинностей. Каждый членъ податнаго общества, чтобы получить отъ него паспортъ, предварительно долженъ внести подати и повинности за все время предполагаемой имъ отлучки. Эта зависимость податныхъ лицъ отъ своихъ обществъ объясняется взаимною отвѣтственностью общниковъ предъ правительствомъ по уплатѣ податей и отправленію повинностей. Правительство требуетъ полного взноса и исправнаго отбыванія ихъ отъ цѣлой массы городского и сельскаго населенія, по числу окладныхъ душъ, приписанныхъ къ обществамъ по ревизіи, а не отъ податныхъ единицъ, взятыхъ въ отдѣльности. Понятно, что при такомъ значеніи паспорта лицо, отлучившееся по паспорту на опредѣленный срокъ, при возобновленіи его, принуждено безропотно покоряться произволу своего общества. Общество можетъ наложить на своего члена излишнее количество податей, можетъ замедлить присылкою ему новаго паспорта, или наконецъ подвергнуть другимъ неприяностямъ, влекущимъ за собою разстройство въ дѣлахъ. Еще болѣе невыгоды паспортовъ отражаются на тѣхъ, которые состоятъ на рекрутской очереди или подлежатъ отправленію рекрутства по жребію. Общество обыкновенно снабжаетъ этихъ лицъ видами на короткіе сроки, поставляя въ необходимость часто перемѣнять ихъ, и при объявленіи набора официально выписываетъ своихъ отсутствующихъ членовъ, не стѣсняясь никакими пространствами, иногда только за тѣмъ, чтобы они, издержавшись въ дорогѣ и потерявши заработки, съ понуренною головою узнали о временномъ избавленіи отъ сдачи въ рекруты по недошедшей до нихъ очереди. Разумѣется, человекъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, всегда старается найти для себя исходъ, и вотъ прежній гражданинъ, постоянно платившій подати, чтобы избавиться отъ тяготящаго надъ нимъ общественнаго ярма, перестаетъ брать паспорта отъ своего общества и по неволѣ начинаетъ прятаться и отъ людей, и отъ полицейскаго глаза, передвигается съ мѣста на мѣсто, впадаетъ въ преступленія и,

перешедши въ фазы кочевой жизни, превращается въ совершеннаго бродягу.

Крѣпостное право, съ другой стороны, постоянно было одною изъ главныхъ причинъ бродяжества. Оно измѣнило конечно свой суровый характеръ съ нѣкоторымъ распространеніемъ просвѣщенія; но просвѣщеніе прошло только полосою, коснулось людей избранныхъ, и при такой обстановкѣ этого права многіе крестьяне и дворовые люди бѣжали отъ помѣщиковъ. Есть надежда, что теперь съ изданіемъ Положенія 19 февраля бродяжество между ними уменьшится, особенно послѣ разрѣшенія бѣглымъ приписываться къ обществамъ по взаимному согласію. Побѣги изъ военной службы происходили до 1856 года отъ положенія солдатъ вообще, хорошо извѣстнаго каждому, изучавшему солдатскій бытъ, — положенія, заставлявшаго родныхъ провожать рекрута на службу плачемъ и воемъ съ причитаньями. Но послѣ ряда благодѣтельныхъ реформъ по военному министерству, навѣрно можно ожидать не только значительнаго уменьшенія числа дезертировъ, но и совершеннаго прекращенія побѣговъ. Первое сдѣлалось замѣтнымъ уже въ послѣдніе годы, какъ видно изъ отчетовъ г. военнаго министра. Второе же окажется въ близкомъ будущемъ.

Къ особеннымъ или мѣстнымъ причинамъ относятся: тяжелая жизнь на заводахъ западной и восточной Сибири сосланныхъ туда за преступленія, стѣсненное положеніе рабочихъ на казенныхъ горныхъ заводахъ Томской губерніи и частныхъ сибирскихъ приискахъ и такое же положеніе ссыльныхъ, въ мѣстахъ ихъ причисленія. Пользуясь для своихъ замѣтокъ показаніями бродягъ, бывшихъ на этихъ заводахъ, и впоследствии содержавшихся въ г. Тобольскѣ, мы извлекли изъ нихъ свѣдѣнія о заводахъ Тобольской губерніи (винокуренныхъ), Успенскомъ и Екатерининскомъ, и о заводахъ восточной Сибири: Троицкомъ — соловаренномъ, Александровскомъ — винокуренномъ, рудоконныхъ: Кора, Акатуевскомъ и Шехтаманскомъ, желѣзныхъ: Петровскомъ и Николаевскомъ. Изъ этихъ заводовъ, Успенскій лежитъ въ 50 верстахъ отъ г. Тюмени, а Екатерининскій въ 12 верстахъ отъ г. Тары. Троицкій заводъ находится Енисейской губерніи въ Канскомъ округѣ, и Александровскій въ Иркутскомъ, въ 70 верстахъ отъ Иркутска. Заводы: Кора, Акатуевскій и Шехтаманскій принадлежатъ къ системѣ верчинскихъ рудниковъ. Изъ нихъ Кора и Шехтаманскій золотые, а Акатуевскій серебряный рудникъ. Петровскій заводъ расположенъ въ Верхнеудинскомъ, Николаевскій въ Нижнеудинскомъ округѣ. Пребываніе на этихъ заводахъ каторжныхъ и поселенцевъ, при очень скудномъ содержаніи, соединено съ тяжелыми работами, наказаніями за каждый неисполненный урокъ и вообще дурнымъ обращеніемъ. Работа тяжела на всѣхъ заводахъ,

исключая Успенскаго, Екатерининскаго и Александровскаго, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ, въ часы, не занятые заводскими работами, не запрещается работать и на себя. На прочихъ заводахъ работа производится слѣдующимъ образомъ: арестанты работаютъ подь землю, въ душной атмосферѣ, отъ восхода солнца до заката. Уроки назначаютъ большіе: на каждого человѣка полагается въ сутки выкопать и вывезти 40 пудъ руды, или разработать 200 пуд. золотого песку, безпрестанно борясь съ трудностями, представляемыми глинистымъ грунтомъ земли, какъ напри- мѣръ на Шехтаманскомъ приискѣ. По прѣшествіи рабочаго дня, нарядчикъ повѣряетъ заданный арестанту урокъ, и если арестантъ не успѣлъ окончить его, то его наказываютъ. По показаніямъ бродягъ, въ управленіе двумя заводами однимъ господиномъ, теперь уже покойникомъ, кромѣ розогъ, неисправные работники наказывались палками, плетью отъ 15 до 40 ударовъ. Бывало онъ придумывалъ и другаго рода наказаніе: если наказанный наканунѣ не могъ окончить на завтра своей работы, то у такого рабочаго убавлялась порція провіанта. Разумѣется отъ убавки пици истощались силы рабочаго, и на слѣдующій за тѣмъ день онъ еще меньше отработывалъ. Работа на заводахъ никогда не перемежается: ничто не можетъ освободить отъ нея арестанта, развѣ только болѣзнь (*). Уклоняться отъ работы на время могутъ лишь тѣ, у которыхъ есть въ запасѣ деньги. Заплативши выговоренную дань нарядчику и фельдшеру, они поступаютъ въ заводскую больницу для отдыха. Въ одномъ заводѣ, гдѣ человѣкъ принужденъ съ утра до вечера ворочать на огнѣ кусокъ желѣза, каторжные не избавляются отъ работы и въ праздники, за исключеніемъ воскресенья и понедѣльника пасхи и Рождества. Что касается до содержанія, то въ Успенскомъ и Екатерининскомъ заводахъ оно разнится, смотря по различію двухъ рядовъ заводскихъ рабочихъ—казенныхъ и контрагентскихъ. Казенные живутъ въ казенномъ зданіи, и изъ нихъ порочные нижніе чины, слѣдовавшіе на Амуръ, но распределенные на заводы за преступленія и проступки, содержатся въ ножныхъ кандалахъ, а прочіе безъ оковъ. Контрагентскіе же помѣщаются на вольныхъ квартирахъ, свободно располагая своими дѣйствіями, кромѣ заводскихъ работъ. Для казенныхъ работниковъ ежедневно приготавливаются посредственныя щи, отпускается по $\frac{1}{4}$ фун. мяса, отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 фун. хлѣба на человѣка, и $85\frac{3}{4}$ коп. въ мѣсяцъ на одежду и обувь. Контрагентскіе получаютъ два пайка хлѣба въ сутки, и на одежду и обувь по 1 руб. 20 коп. въ

(*) Въ заводскія больницы Восточной Сибири принимали прежде только арестантовъ, одержимыхъ опасными болѣзнями, но лечили и содержали очень плохо.

мѣсяць. Въ заводахъ Восточной Сибири каждому рабочему, въ добавокъ къ 4 фун. хлѣба на человѣка, ежемѣсячно назначаются на содержаніе деньги въ слѣдующемъ размѣрѣ: Троицкомъ — 90 коп., Александровскомъ — 88½ коп., заводъ Кора — 1 руб. 25 к., Петровскомъ — 75 к. и Николаевскомъ — 88½ к. Изъ этихъ денегъ вычитаютъ на приварокъ, въ Троицкомъ заводѣ — 60 к., Александровскомъ — 30 к., заводъ Кора — 15 к., Петровскомъ и Николаевскомъ — 30 коп. Затѣмъ самые незначительные остатки вручаются арестантамъ на одежду и обувь. Приварокъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ горстей ячныхъ крупъ, сваренныхъ въ водѣ, въ которой, какъ говорится, крушинка гоняется за крупишкой. Продовольствіе рабочихъ на Акатувскомъ рудникѣ заключается въ 3 фун. хлѣба. Сверхъ того положено по ¼ фун. говядины на арестанта, но это назначеніе существуетъ на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ не отпускаютъ арестантамъ мяса, замѣняя его тощимъ приваркомъ изъ ячныхъ крупъ. Точно такъ же, хотя и ассигнуется по 2 руб. сер. въ мѣсяць на одежду и обувь, однакожъ денегъ не выдаютъ рабочимъ, снабжая ихъ въ теченіи года двумя суконными рубахами, шароварами, зипуномъ и двумя парами чирковъ. На Шехтаманскомъ приискѣ содержаніе каторжныхъ ограничивается 4 фун. хлѣба въ день и 2 руб. 11 коп., выдаваемыми помѣсячно на приварокъ, одежду и обувь. Многіе изъ арестантовъ большими партіями бѣжали съ заводовъ, не пробывши въ работѣ и мѣсяца. Но всѣхъ описанныхъ выше фактовъ недостаточно, чтобы вполне обрисовать жизнь заводскихъ арестантовъ. Кромѣ тяжкихъ работъ и наказаній за неисполненіе своихъ уроковъ, они, при первой возможности, подвергаются взысканіямъ отъ управляющихъ. Иногда и мелочной проступокъ навлекаетъ наказаніе на арестанта. Тѣ же порядки относительно обращенія съ арестантами соблюдаются будто бы и въ нѣкоторыхъ заводахъ Восточной Сибири. Къ сказаннымъ причинамъ побѣговъ съ заводовъ слѣдуетъ присоединить очень продолжительные сроки работъ на заводахъ, увеличивающіеся съ каждымъ новымъ побѣгомъ рабочаго, какъ будетъ показано ниже, и неисполнившее желаніе бродягъ, выключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ за неспособностію къ работамъ, идти далѣе въ Сибирь на поселеніе. Они, въ случаѣ годности къ заводскимъ работамъ, распределяются по закону на заводы и обязаны дослужить тамъ положенный срокъ въ разрядѣ временныхъ рабочихъ.

Мы видѣли нѣсколько амурцевъ, содержавшихся въ тобольскомъ острогѣ подъ именемъ бродягъ, которые по полученіи указа о передачѣ ихъ въ военное вѣдомство, тотчасъ объявляли свое званіе. Теперь посмотримъ, какъ отзываются бродяги о прежнемъ бытѣ рабочихъ Алтайскихъ заводовъ — Томской губерніи. Для этого мо-

жетъ служить разказъ бродяги, осужденнаго на 10 лѣтъ въ Тобольскую арестантскую роту. «Происходилъ я, разказываетъ бродяга, изъ заводскихъ людей, вѣдомства Алтайскаго горнаго управленія. Заводскіе, какъ рядовые, обязывались служить въ рудникахъ 25 лѣтъ. До 18 лѣтъ я былъ на Салаирскомъ рудникѣ, гдѣ и родился, а потомъ вступилъ въ число настоящихъ рабочихъ и состоялъ на желѣзныхъ и золотыхъ приискахъ, около Барнаула. На мою долю досталось разбивать молотомъ руду. Работы назначались всѣмъ урочныя, каждый долженъ былъ въ продолженіи дня разбить три (кубическія) сажени руды, а другіе столько же вытаскать и вывезти. Приставъ нашъ былъ злой и взыскательный: кто не кончилъ своего урока къ опредѣленному сроку, тотъ наказывался за всякій, неочищенный работою, вершокъ; да кромѣ того обязывался выполнить работу въ праздники, или льготное время. У насъ рабочіе раздѣлялись на *потяжныхъ* и *трехсмѣнныхъ*. Потяжнымъ было гораздо труднѣе: они работали каждодневно, безъ смѣны, включая праздниковъ. Этотъ разрядъ по большей части составлялся изъ бѣглыхъ съ заводовъ. Трехсмѣнные поочередно работали на казну сряду двѣ недѣли, а третью на себя, по волѣ; за то они не знали праздниковъ, хотя бы рабочія недѣли пришлось въ Свѣтлый праздникъ.

«Трудное житье наше было на заводѣ: жалованья шло всего шесть рублей ассигнаціями; на эти деньги приводилось одѣться и обуться, между тѣмъ, все дорого, да и платье, и обувь скоро посятся на работахъ, потому что кругомъ галька и кремень. На заводѣ я, такимъ образомъ, былъ годовъ четырнадцать, наконецъ, не вытерпѣлъ и бѣжалъ оттуда съ товарищемъ» (*).

Далеко неблагоуденствуютъ и рабочіе на частныхъ сибирскихъ промыслахъ. Промышленники мало знакомы съ технической и хозяйственной частью приискаго производства; имъ кажется достаточно явиться метеоромъ на прииски, напоить рабочихъ водкою, задать великолѣпное пиршество сосѣднимъ владѣльцамъ и управляющимъ, а потомъ, съ чувствомъ магнатскаго достоинства, ѣхать домой. Въ дѣйствительности же наемные люди на частныхъ приискахъ (преимущественно изъ ссыльныхъ) бѣдствуютъ: они должны работать отъ трехъ часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, испытывая при этой отяготительной работѣ притѣсненія отъ хозяевъ—промышленниковъ и управляющихъ. Промышленники и управляющіе, ссужая рабочихъ задатками, выдаютъ имъ заработанныя деньги не иначе, какъ при окончатель-

(*) Въ послѣднее время состоялось высочайше утвержденное положеніе о новомъ ихъ устройствѣ. Но разказчикъ нашъ бѣжалъ лѣтъ за 18 предъ этимъ.

номъ расчетѣ, и при этомъ часто безсовѣстно обсчитываютъ ихъ; заставляютъ брать изъ пріисковой конторы разныя вещи, и платитъ за нихъ тройную цѣну, вмѣняя въ обязанность контрактами не брать вещей помимо конторы. Положеніе рабочихъ дѣлается еще хуже по условію, включаемому въ договоры, заплатить или отработать то, что рабочій останется должнымъ по минованіи срока найма, слѣдовательно онъ принужденъ работать и послѣ срока, который по уставу о горно-заводской промышленности не можетъ быть болѣе года. Въ довершеніе всего, свобода дѣйствій рабочихъ на частныхъ промыслахъ ограничивается еще и тѣмъ, что волостныя правленія очень часто не даютъ билетовъ на отлучки для заработковъ въ другія мѣста, кромѣ пріисковъ. Съ этою цѣлю промышленники ублажаютъ ближайшія къ пріискамъ волости и платятъ писарямъ акцизъ за нарушеніе ихъ обязанностей. Пріисковыя рабочіе, подобно заводскимъ, подвергаются на нѣкоторыхъ пріискахъ тѣлеснымъ наказаніямъ за побѣги, но они не упускаютъ случая пожаловаться начальству на жестокость промышленниковъ и управляющихъ.

Между поселенцами, приписанными къ волостямъ, причины бродячества кроются въ нравственной испорченности ихъ, пріобрѣтаемой ссыльными съ избыткомъ въ острогахъ, арестантскихъ ротахъ и иныхъ школахъ преступленій, а также въ партіяхъ, во время слѣдованія въ Сибирь. Эта испорченность имѣетъ своимъ гибельнымъ результатомъ лѣнь, привычку—безъ труда, нерѣдко предосудительными способами, снискивать себѣ средства къ существованію. Многіе изъ ссыльныхъ, еще крѣпкихъ силами, до такой степени облѣниваются, что не хотятъ воздѣлывать отведенные имъ участки земли, отзываясь неумѣиємъ обращаться съ земледѣльческими орудіями, употребляемыми въ Сибири, и отдаютъ эти участки въ наемъ крестьянамъ-старожиламъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне вносили за нихъ подати и повинности. Безъ сомнѣнія, при этой деморализаціи, поселенцы становятся бесполезными звѣнами въ общественной цѣпи, и, сознавая свою оторванность отъ общества, предпочитаютъ осѣдой жизни бродячество. Безнравственность ссыльныхъ удачно изображаютъ сибирскіе крестьяне наивною поговоркою: *«поселенецъ все одно, что младенецъ: на что взглянетъ, то къ себѣ и тянетъ»*. Впрочемъ, нельзя подвести всѣхъ ссыльныхъ подъ одинъ уровень. Иные поселенцы и желали бы жить дворомъ, какъ слѣдуетъ, но путь къ этому заграждается волостнымъ начальствомъ. Оно надѣляетъ поселенцевъ участками земли, лежащими другъ отъ друга въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ и при томъ негодными для хлѣбопашества, на которыхъ, по выраженію ссыльныхъ, *и грачи не садятся*. Жалобы эти очень часто приходилось намъ самимъ выслушивать отъ нихъ. Въ Сибири вообще

крестьяне смотрят непривѣтливо на поселенцевъ, потому что обя-заны дѣлиться съ ними землей, и общество никогда не промѣняетъ крестьянина на ссыльнаго. Крестьяне, въ особенности богатые, издавна занимаютъ лучшія земли, переходящія въ семьѣ по наслѣдству, остальная же земля въ волости, по своему свойству недоброкачественная, раздѣляется между поселенцами. Конечно, получивъ неудобную землю, поселенецъ вовсе не занимается хлѣбопашествомъ, а если и обрабатываетъ доставшійся ему участокъ, то собираетъ съ него незначительное количество хлѣба, котораго едва достаетъ на годъ семейному поселенцу. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ Тобольской губерніи, по ошибочному толкованію закона, крестьяне до второй половины 1860 года надѣляли полнымъ участкомъ земляныхъ угодій только тѣхъ поселенцевъ, которые поступили въ полный окладъ податей, выдѣляя платящимъ половинный окладъ половину участка, а состоящимъ на трехъ-лѣтней льготѣ вовсе не давали земли. Со второй же половины 1860 года такое извращеніе смысла закона, по журнальному постановленію губернскаго правленія, было прекращено, съ тѣмъ, чтобы ссыльные надѣлялись землею безъ всякаго раздробленія участковъ.

Къ причинамъ бродячества между ссыльными слѣдуетъ еще отнести а) *неспособность ихъ къ работамъ и безпріютность, допускавшуюся мѣстнымъ начальствомъ.* Приходя въ волости изкалѣченными и утомленными до крайности въ дальнемъ партіонномъ путешествіи изъ Россіи въ Сибирь, какъ изложено выше, они не въ состояніи были кормиться своими трудами и по неволѣ должны были нищенствовать, дѣлаясь въ послѣдствіи бродягами. Начальство же не обращало надлежащаго вниманія на неспособныхъ поселенцевъ. Въ Тобольской губерніи была единственная успенская богадѣльня для призрѣнія дряхлыхъ и больныхъ ссыльныхъ, находящаяся въ Успенской волости Тюменскаго округа и содержимая на счетъ экономическаго поселенческаго капитала, но она не удовлетворяла своему назначенію, какъ по весьма ограниченному комплекту призрѣваемыхъ, такъ и по условіямъ призрѣнія. б) *Неправильное причисленіе поселенцевъ губернскимъ начальствомъ къ податнымъ состояніямъ.* На основаніи закона, водворяемые рабочіе, по прибытіи опредѣленнаго срока въ вѣдѣніи экспедиціи о ссыльныхъ, могутъ приписываться къ тѣмъ сословіямъ, къ которымъ принадлежали до ссылки въ Сибирь, т. е., мѣщане къ городскимъ, а крестьяне къ сельскимъ. Между тѣмъ бывало, что губернское начальство причисляло мѣщанъ въ волости, а крестьянъ въ города, и изъ-за этого выходило, что водворяемый рабочій изъ мѣщанъ, поступившій въ крестьяне, непривычный къ сельскимъ работамъ, и на оборотъ ссыльный изъ

крестьянъ, записанный въ мѣщане, незнакомый съ занятіями горожанъ, не могли найти никакихъ средствъ для своего существованія. в) *Неправильное распределеніе поселенцевъ по волостямъ.* Случалось, что ссыльные изъ инородцевъ поселялись на жительство въ русскихъ волостяхъ, а во время оно было, что и русскихъ приписывали въ инородческія деревни; и г) *Прижимки поселенцамъ отъ волостныхъ начальниковъ, а главное отъ писарей при полученіи билетовъ на отлучки.* При этой счастливой оказіи, волостные писаря накладывають на ссыльных лишнія подати и вымогають послѣднюю копейку за выдачу билета. Послѣ того немудрено, что поселенцы въ Сибири бродяжутъ, и что названіе поселенецъ сдѣлалось эгидою для другихъ бродягъ, которую они прикрываютъ свое происхожденіе, именуясь поселенцами разныхъ волостей. Быть ссыльныхъ несравненно болѣе упроченъ въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ они живутъ самостоятельно, въ колоніяхъ.

Заканчивая этими строками отдѣлъ о мѣстныхъ причинахъ бродячества, мы переходимъ къ моральнымъ. Эти причины до того разнообразны, что ихъ нельзя и изчислить. Изъ собранныхъ нами біографій бродягъ, которыя современемъ постараемся напечатать, видно, что къ моральнымъ причинамъ принадлежатъ: *насильственные браки, дурное обращеніе мужей съ женами, любовь, готовая на всевозможныя пожертвованія, стремленіе возвратиться къ прежней, широкой разувольной жизни, страхъ наказанія за преступленія, или простаго взысканія за проступки и тоска поселенцевъ по родинѣ.* Подъ случайными причинами бродячества разумѣются внѣшнія, постороннія обстоятельства. Чтобы пояснить это примѣромъ, мы приведемъ довольно занимательный разсказъ одного бродяги о разореніи раскольническаго скита. «Въ нижегородской губерніи, говоритъ бродяга, — верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Семенова, въ глухомъ лѣсу, лѣтъ восемь тому назадъ, стоялъ раскольничій скитъ, по названію Богомоловскій. Въ этомъ скиту спасались отшельницы подъ началомъ игуменьи. Всего въ скиту было до тридцати домиковъ. Поступали сюда по доброй волѣ нѣкоторые даже изъ богатыхъ московскихъ семействъ; замужнія только не допускались, все были пожилыя дѣвушки да вдовицы убогія. Мужчинъ тоже туда не принимали, только жило для домашняго обихода человекъ шесть старцевъ изъ воспитанниковъ скита. Они справляли всѣ черныя работы по скиту. Въ числѣ этихъ скитскихъ работниковъ былъ и я. Происхожденія своего не знаю; подкидышъ ли чей, или дѣвичьяго урожденія, только помнить себя я началъ въ скиту. Воспитанъ я стариками въ старопечатной вѣрѣ. Положеніе наше было славное, строгое. Баловства никогда не было; женатые близко скиту не допускались. За всякое праздное слово полагалось взысканіе, произнесъ

«и его старецъ одинъ, или при келейницахъ. Бывало игуменья по-
«ставить на поклонъ на цѣлую ночь, иногда по вѣкъ глядя, колѣна-
«ми на горохъ, либо ячмень; для того такія нарочито корытцы были
«понадѣланы: насыпаютъ въ нихъ гороху и велютъ туда вложить ко-
«лѣна и стоять пока не отобьешь поклоновъ, сколько уставлено. Сто-
«ишь себѣ да отсчитываешь по лѣстовкѣ поклонны. Скитъ нашъ
«имѣлъ не большое хозяйство у себя, больше содержался приноше-
«ніями и сборами съ окрестныхъ селеній. Для сборовъ, разъ въ го-
«ду, игуменья наряжала двухъ келейницъ съ кружками. Эти келейни-
«цы отправлялись и на ярмарку и тутъ много получали отъ благоче-
«стивыхъ жертвователей. Сбора этого всегда доставало на годовое
«содержаніе скита. Кромѣ того, вчастую поступали пожертвованія
«отъ богатыхъ людей старой вѣры, посѣщавшихъ нашъ скитъ. Чрезъ
«эти пожертвованія украсилась у насъ моленная. На многихъ ико-
«нахъ ризы были серебряныя, подъ золотомъ. Службу отправляла
«сама игуменья, по своимъ старымъ церковнымъ книжкамъ. Хорошо
«и покойно мы жили, пока не стало притѣснять насъ начальство.
«Прежде, бывало, какъ посылать за сборомъ, игуменья пошлетъ де-
«негъ исправнику, или тамъ становому, и насъ не трогаютъ, и сбору
«не препятствуютъ. Да прежде и больше было усердствующихъ къ
«скиту, безъ прошеній, сами дѣлали пожертвованія, и начальство бы-
«ло снисходительнѣе. Вотъ съ 1853 года времена пришли плохія: на-
«чали къ намъ привязываться и отбирать кружки. На другой-то годъ
«уже совсѣмъ уничтожили скитъ: наѣхалъ исправникъ, отобралъ
«наши книги и запечаталъ моленную. нашихъ старицъ-келейницъ
«всѣхъ развезли: кого въ женскіе монастыри, кого въ смиренныя
«дома, кого и невѣсть куда; а на слѣдующій годъ и скитскіе дома про-
«дали съ аукціона. Мы мужчины, вшестеромъ, какъ только была за-
«печатана наша моленная, ушли бродить по бѣлому свѣту! (*)»

Что касается до числа бѣглыхъ и бродягъ въ Россійской Импе-
ріи за прежнія времена, оно весьма значительно, какъ это доказывает-
ся статистическими данными. Такъ въ 1857 году было взято по Им-
періи бѣглыхъ и бродягъ, въ томъ числѣ задержанныхъ полиціею съ
просроченными паспортами 30,478 человекъ (**). По извѣстіямъ жур-
наловъ министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ за
1860 г., въ 1858 году, кромѣ лицъ казачьяго и горнозаводскаго вѣдом-
ства, содержалось въ тюрьмахъ подсудимыхъ бродягъ 3,975 человекъ
и взятыхъ за безпосильность 21,367. Въ военномъ вѣдомствѣ, съ разъ

(*) Въ это время дѣйствительно происходило закрытіе скитовъ въ восточной
половицѣ Россіи.

(**) Всеподданнѣйшій отчетъ Г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ.

вигіемъ въ послѣднее девятилѣтіе мѣрь, клонившихся къ улучшенію быта солдатъ, цифра бѣжавшихъ уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. Прежде она относилась къ среднему списочному состоянію, какъ 1:148, а въ продолженіи 9-ти-лѣтія съ 1853 по 1862 г. какъ 1: 318, слѣдовательно, если за нормальное число арміи принять 1,000,000, то на это число съ 1853 по 1862 г. приходилось бѣглыхъ слишкомъ 3,000 человекъ, между тѣмъ какъ до 1853 г. оно превышало 6-ть тысячъ. Все это бродяги, оглашенные передъ правительствомъ, а сколько неоглашенныхъ!

Въ вѣдѣніе тобольскаго приказа о ссыльныхъ, въ теченіи 5 лѣтъ съ 1856 по 1861 годъ, бродягъ поступило: осужденныхъ на поселеніе мужчинъ 4,962, женщинъ 246, среднимъ числомъ въ годъ мужчинъ 992, и женщинъ 49; назначенныхъ въ разрядъ водворяемыхъ рабочихъ мужчинъ 6,753, женщинъ 1,328, среднимъ числомъ мужчинъ 1,350 и женщинъ 265.

Чтобы показать число бродягъ, пойманныхъ въ тобольской губерніи и бѣжавшихъ съ заводовъ успенскаго и екатерининскаго, мы прилагаемъ сравнительныя таблицы за нѣсколько лѣтъ.

	Заклеймено буквами.			
	Б.	С.П.	С.К.	
Въ 1859 году	107	95	125	
» 1860 »	147	163	199	
» 1861 »	106	189	226	
Итого	360	447	550	
Среднимъ числомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ	120	149	183	
	Поступило.		Бѣжало.	
	м.	ж.	м.	ж.
<i>Въ успенскій заводъ.</i>				
Въ 1856 году	127	6	8	»
» 1857 »	144	4	51	»
» 1858 »	63	»	47	»
» 1859 »	273	6	11	»
» 1860 »	587	5	207	»
» 1861 »	77	»	156	»
Итого	1,271	21	480	»
По среднему выводу съ 1856 по 1862 г.	211	3	80	»
	Поступило.		Бѣжало.	
	м.	ж.	м.	ж.
<i>Въ екатерининскій заводъ.</i>				
Въ 1843 году	247	1	122	»
» 1844 »	8	»	2	»
» 1845 »	»	1	»	»

Поступило. Бѣжало.

Въ екатериинскій заводъ.	м.	ж.	м.	ж.
» 1846 »	34	1	13	»
» 1847 »	2	»	22	»
» 1848 »	6	»	1	»
» 1849 »	9	»	4	»
» 1850 »	19	»	16	»
» 1851 »	53	»	20	»
» 1852 »	45	4	15	»
» 1853 »	28	»	14	»
» 1854 »	37	»	14	»
» 1855 »	86	6	16	»
» 1856 »	126	»	34	»
» 1857 »	286	39	20	»
» 1858 »	139	»	72	»
» 1859 »	209	2	51	»
» 1860 »	168	1	97	»
» 1861 »	229	»	174	»
Итого	1,758	52	707	»
Въ продолженіе шестилѣтія съ 1856 по 1862 г.	1,157	42	448	»
По среднему выводу съ 1843 по 1862 годъ	92	2	37	»
съ 1856 по 1862 годъ	192	7	74	»

Отсюда видно, что бродяжество на обоихъ заводахъ возрастало съ 1856 по 1862 годъ.

Въ отношеніи бродяжничества должно замѣтить, что отъ него протекаетъ для государства двойной вредъ, нравственный и финансовый. Бродяжничество вредно по своей инициативѣ, потому что оно укореняетъ страсть къ кочевой, неосѣдой жизни, тунеядству и бываетъ нерѣдко побудительною причиною преступныхъ дѣйствій, но становится еще опаснѣе, когда переходитъ въ маскированное праздншатательство, т. е. злостное бродяжничество, которое силится закрыть свое преступное прошедшее, какъ непроницаемою завѣсою, указаніемъ на личности, неизвѣстныя ему, не признанныя дѣйствительностію, или даже немислимыя здравымъ разсудкомъ. Мы говоримъ о бѣглыхъ, скрывающихъ свое происхожденіе и непомнящихъ родства. Они представляютъ собою корпорацію, распространяющую между арестантами въ тюремныхъ и другихъ мѣстахъ заключенія губительную нравственную заразу. Пройдя воды и мѣдныя трубы, коротко познакомившись на практикѣ съ уголовными законами и примѣненіемъ ихъ, они дѣлаются для своихъ товарищей-новичковъ учителями въ преступленіяхъ, изумляющими своею опытностію и изобрѣтательностію, подобно тому кавтонисту, который предъ глазами удивлен-

ныхъ судей превращался изъ гренадера въ іеромонаха Аѳонскаго монастыря, изъ іеромонаха въ члена святѣйшаго синода и настоятеля лавры (такую именно нелѣпность показалъ онъ при допросѣ), потомъ сына князя Урусова и наконецъ въ природнаго китайца и туркестанскаго подданнаго (*). Финансовый вредъ бродяжничества отражается и на отдѣльных обществахъ, и на цѣломъ государствѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что бродяги, принадлежа когда-то къ сословной средѣ, съ утратою своей осѣлости, перестаютъ платить за себя подати и отбывать повинности. По закону эту незаслуженную обязанность должно отправлять за нихъ до слѣдующей ревизіи общество, оказывая тѣмъ же лицамъ помощь въ видѣ подаваній. Для государства финансовый вредъ бродяжничества проявляется въ томъ, что отъ него страдаетъ исчисленіе народонаселенія, и потому казна неминуемо лишается дохода. Кромѣ того, независимо отъ издержекъ на содержаніе бродягъ въ мѣстахъ заключенія и ссылки ихъ по осужденію въ Сибирь, казна производитъ расходы на препровожденіе бродягъ изъ одной губерніи въ другую, часто за нѣсколько тысячъ верстъ, для признанія ихъ жителями, при чемъ почти всегда обнаруживается фальшивость показаній бродягъ. Къ этимъ расходамъ присоединяются еще издержки на припечатаніе объявленій о бродягахъ въ вѣдомостяхъ, предписываемое закономъ для раскрытія происхожденія бродягъ. Эти издержки, хотя и лежатъ на отвѣтственности обществъ и владѣльцевъ, въ случаѣ, если послѣдуетъ отъ нихъ требованіе на возвращеніе бродяги, но такъ какъ подобный фактъ очень рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности, то онѣ постоянно падаютъ на счетъ казны (**). Ясно, что при огромномъ числѣ сысковыхъ статей о бродягахъ, присылаемыхъ въ сенатскую типографію и губернскія правленія, ежегодные расходы на припечатаніе ихъ простираются до десятковъ тысячъ рублей серебромъ.

Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что бродяжничество стало развиваться у насъ съ введеніемъ поземельныхъ отношеній дворянства и духовенства къ сельскимъ обывателямъ. Съ раздачею участковъ помѣстнымъ владѣльцамъ и духовенству, крестьяне мало по малу лишались права поземельной собственности, обязываясь за пользованіе землею платежемъ различныхъ оброковъ и отправленіемъ повинностей въ пользу владѣльцевъ, но еще удерживали личную свободу, могли оставлять участки, служившіе для нихъ мѣстами водворенія,

(*) Похожденія бѣглаго кантониста, статья О. Ливанова, помѣщенная въ № 82 газ. «Вѣкъ» за 1861 годъ.

(**) 620, 621 и 622 ст. XIV т. уст. о паспорт. и бѣглыхъ (изданія 1857 года).

и селиться тамъ, гдѣ находили для себя болѣе выгоды. Отсюда произошли переходы крестьянъ, положившіе основаніе и бродяжничеству. Со временемъ крестьянскіе переходы, которымъ благоприятствовало, во первыхъ, уничтоженіе удѣловъ, во вторыхъ, стараніе крупныхъ землевладѣльцевъ и монастырей останавливать крестьянъ всеми мѣрами на своихъ земляхъ и перезывать ихъ къ себѣ льготами отъ мелкихъ землевладѣльцевъ до такой степени усилились, что въ XVI столѣтіи правительство вынуждено было опредѣлить для этихъ переходовъ срокъ, именно недѣлю до Юрьева осеняго дня (послѣ уборки хлѣба), и дать монастырямъ право неувольнять крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. Наконецъ, для окончательнаго прекращенія крестьянскихъ выходовъ, въ 1597 г. изданъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они жили. Однакожь это указаніе не вдругъ достигло своей цѣли, и въ дѣйствительности переходы крестьянъ еще долго существовали. Переходамъ много способствовалъ юридическій смыслъ самого прикрѣпленія. На первыхъ порахъ оно допускало изъятія: въ извѣстныхъ случаяхъ не возбранялся крестьянамъ переходъ (напримѣръ отъ мелкопомѣстнаго владѣльца къ мелкопомѣстному). Сверхъ того былъ установленъ срокъ, по прошествіи котораго землевладѣлецъ невозвратно терялъ право разыскивать своихъ крестьянъ и поселять ихъ на собственныхъ земляхъ. Сначала для этого срока назначалась пятилѣтняя давность, а потомъ при Михаилѣ Федоровичѣ десятилѣтняя; по соборному уложенію Алексѣя Михайловича срокъ былъ отмѣненъ и крестьяне потомственно сдѣлались крѣпкими той землѣ, за которою значились записанными по писцовымъ книгамъ 1626 года.

Со второй половины XVII столѣтія крѣпостные начали уже терять и личную свободу, получая значеніе господскаго имущества. Они подлежали продажѣ и могли быть отдаваемы въ приданое, безъ земли, а въ исходѣ этого вѣка почти походили на рабовъ. Конечно новость такого положенія, и самоуправство владѣльцевъ заставляли крестьянъ многочисленными толпами бѣжать къ казакамъ на Донъ или Днѣпръ, въ Запорожскую Сѣчь, либо прятаться въ лѣсахъ и составлять разбойничьи шайки. Къ бѣглымъ крестьянамъ часто приставали холоны (обѣльные), образовавшіеся у насъ изъ военныхъ плѣнниковъ, несостоятельныхъ должниковъ, также посредствомъ продажи во время голода мужьями и отцами своихъ женъ и дѣтей. Въ Польшѣ дворянство закрѣпило за собою крестьянъ по смерти Сигизмунда II Августа, такъ что къ концу XVI столѣтія наступило полное порабощеніе крестьянъ въ холоповъ. Изъ Польши это рабство проникло и въ западно-русскія области. Состояніе польскихъ рабовъ точно такъ же не представляло ничего утѣшительнаго; на нихъ отзывались и непомѣрные расходы польскихъ

пановъ, бѣдившихъ мотать крестьянскія деньги за границу и въ главныя города королевства, или жившихъ съ изысканною роскошью въ своихъ помѣстьяхъ, среди толпы челядинцевъ и шляхтичей, и корыстолюбіе евреевъ арендаторовъ помѣщичьихъ имѣній, которые разоряли крестьянъ до гла. При появленіи унш евреи не преминули воспользоваться религіознымъ броженіемъ и начали брать на откупъ церкви, взямая пошлины съ богослуженія и церковныхъ требъ. Кромѣ того крестьяне терпѣли притѣсненія отъ жолнеровъ (наемныхъ польскихъ войскъ), которые размѣщались по областямъ и продовольствовались иждивеніемъ жителей. Эти-то обстоятельства доводили крѣпостныхъ до того, что они бѣжали цѣлыми селеніями шны въ тогдашнюю Московію, а другіе подъ защиту казаковъ; изъ нихъ нерѣдко выходили смѣлые, отважные предводители буйныхъ сборищъ, которые своими возстаніями беспокоили Россію.

Во времена Алексѣя Михайловича и его преемника, бродяжничество не ограничилось однакожъ крѣпостными крестьянами; оно развивалось также между раскольниками, которые убѣгали отъ преслѣдованій правительства въ отдаленныя мѣстности государства и строили тамъ скиты. Число бѣглыхъ раскольниковъ въ особенности увеличилось при Софьѣ Алексѣевнѣ. При Петрѣ I, распространенію бродяжничества содѣйствовала подушная (ноголовная) подать, налоги и мѣры ко взысканію ихъ, обязанности земства и чрезвычайно строгая служба. Подушная подать при Петрѣ I замѣнила прежнюю поземельную и въ 1719 году подала мысль о первой переписи податнаго сословія, окончательно поставившей крѣпостныхъ крестьянъ въ зависимость отъ помѣщиковъ, потому что крѣпостные были показаны въ этой ревизіи вмѣстѣ съ холопами и сравнены относительно платежа податей и отправленія рекругской повинности, за исправность которыхъ предъ правительствомъ отвѣчали помѣщики.

Въ царствованіе Анны Іоанновны бродяжничество получило крайнее развитіе вслѣдствіе деспотическаго управленія Бирона. Чтобы уяснить себѣ причины бродяжничества въ эту грустную эпоху отечественной исторіи, стоитъ только припомнить грозное «слово и дѣло», раздававшееся тогда во всѣхъ концахъ русскаго царства, тѣ ужасныя пытки и казни, которыя сопровождали его, и наконецъ жестокости военныхъ командъ, разставленныхъ по областямъ для сбора съ крестьянъ податныхъ недоимокъ за старыя годы.

Послѣ этого нельзя удивляться, что въ теченіе XVII и XVIII вѣка правительство должно было бороться съ бѣглыми, посылать для поимки бѣглецовъ отряды сыщиковъ, возвращать ихъ въ прежнее жительство, а разбойниковъ безъ слѣдствія и суда предавать смертной

казни. Замѣчательно, что въ XVII и XVIII столѣтіи не одни бѣглецы, но и нищіе подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ указѣ 30 ноября 1691 года о нищихъ сказано: «Великіе Государи указали — извѣстно имъ великимъ государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ «руки, такожь и ноги, а иные глаза завѣся и зажмура, будто слѣпые «и хромые, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя «милостыни, а по осмотру все они здоровы, и тѣхъ людей имать и «распрашивать, и буде которые скажутся изъ городовъ и посадовъ, «посадскіе люди, а иные скажутся дворцовые и помѣщичковы крестья- «не, и тѣхъ по распроснымъ рѣчамъ ссылатъ — посадскихъ людей «въ тѣхъ города и посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ «крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщичковыхъ и вотчиннико- «выхъ отдавать помѣщикомъ и вотчинникомъ; а буде тѣ люди съ «сего великихъ государей указу впредь объявятся въ Москвѣ, въ томъ «же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то про- «тивное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссы- «лать въ ссылку въ дальніе Сибирскіе города».

Указомъ 21 января 1712 года разборъ нищихъ, относившійся по указу 14 марта 1694 года къ обязанности Стрѣлецкаго приказа, относительно же лицъ духовнаго званія—приказа патріаршаго, былъ воз- ложенъ на монастырскій приказъ. Въ этомъ указѣ между прочимъ говорится: «и смотрѣть изъ монастырскаго приказа накрѣпко, буде «гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищіе явят- «ся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ, а въ мона- «стырскомъ приказѣ, чиня наказаніе, отсылать въ богадѣльни и въ «монастыри, а которыя по міружъ будутъ ходить, а въ богадѣльняхъ «они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, по томужъ въ монастырскомъ «приказѣ учиня жестокое наказаніе отсылать въ прежнія мѣста, от- «куда кто пришелъ».

Въ указѣ 20 іюня 1718 года о нищихъ постановлено: «и ежели «который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожемъ «и отдавать, или отсылать, по прежнему указу, въ прежнія ихъ мѣ- «ста. А буде такіе въ другой или третій пойманы будутъ, и такихъ, «бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ «въ шпингаузъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ «и къ прочимъ мануфактурамъ, а на помѣщикахъ, на хозяевахъ и «властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу, за «каждаго человѣка, за неусмотрѣніе по пяти рублей».

Распоряженіе о преслѣдованіи нищенства мѣрами кроткими въ первый разъ встрѣчается въ указѣ 1809 года іюля 20. «Всехъ ни- «щихъ забирать безъ всякаго имъ впрочемъ притѣненія или страха,

«но и самаго огорченія» (*). Прослѣдивши въ краткомъ очеркѣ исторію бродяжества, мы переходимъ къ системѣ нашихъ наказаній за бродяжество.

По нынѣ дѣйствующему законодательству, въ случаѣ поимки бродяги, собираются справки объ его происхожденіи и прежнемъ мѣстѣ жительства, и если показаніе бродяги окажется справедливымъ, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному ст. 1221 улож. о наказ. за прожительство и отлучку безъ установленныхъ видовъ, т. е. денежному штрафу, а за бродяжество болѣе трехъ разъ аресту отъ 3 до 7 дней, и потомъ отсылается по принадлежности въ то мѣсто, откуда себя показалъ (625 ст. XIV том. уст. о пас. и бѣгл. изданія 1857 г.). Но если справка не откроетъ мѣста жительства, вѣдомства или сословія, къ которому бродяга принадлежитъ, то онъ присуждается въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10 до 12 лѣтъ, и потомъ, а равно и при негодности къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ, водворялся за Кавказомъ, или же въ сибирскихъ и другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, по усмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Женщины отдавались въ рабочіе дома на основаніи 85 ст. уложенія, а потомъ отправлялись на водвореніе въ Сибирь. Сверхъ того за ложное показаніе подвергались наказанію розгами отъ 30 до 40 ударовъ (ст. 626 уст. о бѣгл.). Это узаконеніе о наказаніи бродягъ, пойманныхъ собственно въ Россіи, было измѣнено въ 1853 году временными правилами, по которымъ суды должны были постановлять, — подвергнуть ихъ наказанію розгами въ мѣрѣ ст. 1,218 улож. опредѣленной, помѣщать въ арестантскія роты, или въ рабочій домъ, или въ тюрьму на 1 годъ, а потомъ ссылать для водворенія въ Восточную Сибирь. Въ июлѣ 1859 года (по указу правит. сената) состоялось объ нихъ новое положеніе, по которому бродяги, какъ поселенцы, то есть лишенные правъ состоянія, по прибытіи въ Тобольскъ, приказомъ о ссыльныхъ назначались на Екатерининскій и Успенскій винокуренные заводы для работъ на четыре года, и по окончаніи этого срока отправлялись уже въ Восточную Сибирь окончательно на поселеніе. На основаніи же указа, даннаго правительствующему сенату 17 апрѣля сего года (по 6 и 9 ст.), слѣдуетъ назначать бродягъ въ арестантскія роты только на четыре года, подвергнувши предварительно наказанію розгами за ложное показаніе, а потомъ отправлять въ Восточную Сибирь на поселеніе. Этимъ указомъ уничтожено различіе въ назначеніи сроковъ работъ въ арестантскихъ ротахъ: будетъ ли бродяга пойманъ въ Сибири или въ Россіи. Но по окончаніи четырехъ-лѣтняго срока они должны по-

(*) 258 ст. XIV т. уст. о пред. и прес. преступ. (изданія 1857 года).

ступить въ разрядъ поселенцевъ, а поселенцы, по прибытіи въ Тобольскъ, назначаются на заводы, какъ сказано выше; поэтому естественно рождается вопросъ — нужно ли будетъ назначать на работу въ заводы, послѣ указа 17 апрѣля. Намъ кажется, съ окончаніемъ 4 лѣтняго срока въ арестантскихъ ротахъ должно считать оконченнымъ ихъ наказаніе и ссылатъ на поселеніе въ Восточную Сибирь, какъ дѣлалось въ Сибири съ тѣми, которые пробыли тамъ въ ротахъ 10 лѣтъ. Уничтоженіе выше сказаннаго различія весьма важно, какъ читатели увидятъ изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ: въ 1862 году содержались двое бродягъ, родомъ изъ Тюменскаго округа, изъ которыхъ одинъ былъ пойманъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, не далеко отъ Тюменскаго округа, а другой въ Ялуторовскомъ округѣ, по сосѣдству съ Тюменскимъ. Первый бѣжалъ отъ нелюбимой жены, которая ему опротивѣла, а женился на ней по приказанію отца, что, по собраннѣмъ нами справкамъ, подтвердилось исполнѣ. Его наказали розгами, выдержали годъ въ пермской арестантской ротѣ и отправили на поселеніе. Онъ очень жалѣлъ, что сдѣлалъ такую глупость, и готовъ былъ возвратиться къ постылой женѣ. И мы, по его просьбѣ, начали формальную переписку о возвращеніи на родину, но не дождались конца, такъ какъ вскорѣ выѣхали изъ Тобольска. Другой же, послѣ тѣлеснаго наказанія, былъ присужденъ въ арестантскую роту на 10 лѣтъ. Онъ бѣжалъ отъ хозяина, къ которому отецъ отдалъ его въ работники, и изъ боязни отцовскихъ побоевъ, скрылъ свое происхожденіе, не сдѣлавши никакого преступленія, что такъ же собранными справками подтвердилось. Спустя два или три мѣсяца, со времени поступленія въ роту, намъ удалось возвратитъ его отцу, который самъ пришелъ за нимъ въ Тобольскъ, будучи извѣщенъ нами чрезъ волостное правленіе.

Далѣе, въ указѣ отъ 17 апр. ничего не упомянуто о тѣхъ бродягахъ, которые осуждены прежде и содержались въ сибирскихъ арестантскихъ ротахъ болѣе 4 и на заводахъ болѣе 3 лѣтъ; а такихъ есть не мало. Неужели первые должны оставаться въ ротахъ до 10, а въ заводахъ до 4 лѣтъ? Вѣроятно благодѣтельное правительство обратитъ вниманіе на нихъ и позволитъ имъ воспользоваться монаршею милостію, дарованною бродягамъ, уволивши отъ работъ. Наконецъ, такъ какъ въ указѣ 17 апрѣля ничего не сказано о бродягахъ, имѣющихъ знаки торговой казни и клейма или слѣды послѣднихъ, то будетъ ли къ нимъ примѣняться прежнее наказаніе по уставу о ссыльныхъ (XIV т. св. гр. зак.), состоящее въ увеличеніи срока работъ, содержанія въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 3 до 20 лѣтъ, не исключая плетей? Ибо въ 1 ст. указа сказано: «во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ и про-

«ступакъ» подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылокѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданского вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному, — приговаривать впредъ ихъ къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и взысканіямъ, но *кромя тѣлеснаго*». Въ статьѣ этой не упоминается о бродягахъ клейменныхъ и имѣющихъ знаки торговой казни. А такіе бродяги переведутся еще не скоро. Послѣдній законъ прямо касается только тѣхъ бродягъ, у которыхъ не окажется никакихъ знаковъ, которые бѣжали въ первый разъ. Число такихъ незначительно въ сравненіи съ первыми, и они съ каждымъ годомъ уменьшаются. Но вотъ что бываетъ иногда: попадаются бродяги, дѣйствительно въ первый разъ бѣжавшіе, а между тѣмъ имѣютъ знаки какъ будто отъ плетей. При поимкѣ иногда ихъ бьютъ жестоко ремнями, веревкой и ногойкой. Мы видѣли такихъ въ тобольскомъ острогѣ, изъ котораго они бѣжали и на третій день были пойманы. Вѣдь ихъ при вторичномъ побѣгѣ будутъ судить наравнѣ съ каторжными и ссыльно-поселенцами. Распространяется ли также милостивый законъ на всѣхъ бродягъ, скрывающихъ свое происхожденіе?

Бѣглецы изъ солдатъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, по удостовѣреніи чрезъ справки, что они дѣйствительно военные дезертиры, отсылаются въ тѣ полки, изъ которыхъ сдѣлали побѣгъ, если полки находятся въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста поимки бѣжавшаго; въ противномъ же случаѣ препровождаются по роду войскъ, въ коихъ служили до побѣга, или же къ ближайшему начальству внутренней стражи. По прибытіи въ военное вѣдомство, дезертиры наказываются по военнымъ законамъ. Тѣхъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые, бѣжавъ изъ службы, скроютъ по поимкѣ свое званіе и будутъ причислены къ бродягамъ, не помнящимъ родства, а послѣ того окажутся дезертирами, возвращать въ военное вѣдомство, подвергая ихъ тамъ военному суду и установленному по воинскимъ законамъ наказанію какъ за побѣгъ изъ службы, такъ и за скрытіе воинскаго званія и другія преступленія, сдѣланныя ими при побѣгѣ (ст. 616, 636 и 693 XIV т. уст. о насп. и бѣгл.). Такъ ихъ прежде наказывали шпирутенами, а теперь будутъ наказывать розгами, впредъ до устройства военныхъ тюремъ и исправительныхъ учреждений. Мы помнимъ одно время, когда узнали арестанты, находившіеся въ тобольской арестантской ротѣ, объ уменьшеніи числа шпирутенами, они тотчасъ же стали объявлять о своемъ воинскомъ званіи. Это было въ началѣ

1862 года. Но какъ скоро узнаютъ о совершенномъ уничтоженіи шпицрутеневъ, то навѣрно ни одинъ не захочетъ оставаться въ арестантскихъ ротахъ, если, кромѣ побѣга, не совершилъ другаго преступленія.

Для сужденія бѣглыхъ изъ разряда каторжныхъ и ссыльныхъ поселенцевъ существуютъ вотъ какія правила: ссыльные за побѣги съ мѣста водворенія или работъ, или же съ дороги, во время препровожденія ихъ въ ссылку, судятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ они задержаны, и подвергаются наказаніямъ въ слѣдующей постепенности (ст. 116, 808 и 849 XIV т. уст. о ссыл.):

ЗА ПОБѢГИ ВЪ СИБИРИ.

ЗА ПОБѢГИ ВНѢ СИБИРИ.

1) Каторжные первого разряда безсрочные:

За 1-й плетью отъ 60 до 80 ударовъ, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 10 до 12 лѣтъ.	}	За пер-	}	Какъ за
За 2-й плетью отъ 80 до 100 ударовъ, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 12 до 15 лѣтъ.		вый и		третій въ
За 3-й наказанію шпицрутенами отъ 2 до 3 тысячъ ударовъ, съ прикованіемъ къ телѣжкѣ на время отъ 1 до 3-хъ лѣтъ и содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 15 до 20 лѣтъ.	}	второй.	}	Сибири.
За 4-й и послѣдующіе высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за 3-й побѣгъ.		За третій		Какъ за
		и послѣ-		четвертый въ
		дующіе.		Сибири.

2) Каторжные первого разряда срочные.

За 1-й плетью отъ 50 до 60 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 10 до 15 лѣтъ.	}	За первый плетью отъ 60 до 80 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 15 до 20 лѣтъ.
За 2-й плетью отъ 60 до 80 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 15 до 20 лѣтъ.		За второй, какъ за третій въ Сибири.
За 3-й плетью отъ 80 до 100 ударовъ, съ продолженіемъ работъ безъ срока.		За третій высшей мѣрѣ наказанія, слѣдующаго за второй побѣгъ.

3) *Каторжные третьяго разряда.*

За 1-й плетьюми отъ 40 до 50 ударовъ и переводу въ рудники, съ продолженіемъ срока работъ отъ 4 до 6 лѣтъ.	}	За первый плетьюми отъ 50 до 60 ударовъ, съ переводомъ въ рудники и продолженіемъ срока работъ отъ 6 до 8 лѣтъ.
--	---	---

4) *Ссылно-поселенцы.*

За 1-й плетьюми отъ 20 до 30 ударовъ.	}	За первый и второй плетьюми отъ 40 до 50 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы на время отъ трехъ до четырехъ лѣтъ.
За 2-й плетьюми отъ 30 до 40 ударовъ, съ отдачею въ арестантскую роту или во временную работу на заводъ отъ 9 мѣсяцевъ до 1 года, или же съ содержаніемъ въ тюрьмѣ отъ 1 года до 2 лѣтъ, или съ переселеніемъ навсегда въ отдаленный округъ.		

За 3-й плетьюми отъ 40 до 50 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы отъ 3 до 4 лѣтъ.	}	За третій плетьюми отъ 50 до 60 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ.
--	---	--

За 4-й и послѣдующіе плетьюми отъ 50 до 60 ударовъ, съ обращеніемъ въ каторжныя работы на заводы отъ 4 до 6 лѣтъ.	}	За четвертый и послѣдующіе высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за 4-й и послѣдующіе побѣги въ Сибири.
---	---	--

Побѣгомъ, подлежащимъ наказанію, признается: 1) для ссылно-поселенца отлучка безъ дозволенія изъ мѣста жительства долѣе семи дней, если отлучившійся, по истеченіи этого срока, будетъ пойманъ, или если онъ самъ возвратится въ то мѣсто, откуда бѣжалъ, не прежде, какъ черезъ 14 дней со времени отлучки. Равнымъ образомъ считается побѣгомъ и просрочка отпуска, если ссылно-поселенецъ, безъ уважительныхъ причинъ, не явится въ мѣсто жительства чрезъ семь дней по окончаніи отпуска, менѣе, чѣмъ на мѣсяць даннаго, или чрезъ четырнадцать сутокъ, если отлучка была дозволена ему на мѣсяць или болѣе; 2) для ссылно-каторжнаго — самовольная отлучка изъ мѣста работъ или находящагося при немъ селенія, долѣе трехъ сутокъ, если отлучившійся послѣ этого срока будетъ пойманъ, или если онъ самъ возвратится не прежде, какъ чрезъ семь дней со времени отлучки (тамъ же стат. 809. — Для ссылно-поселенцевъ, нахо-

дящихся во временной работѣ на заводахъ за срокъ отлучки, считае-
мой побѣгомъ, принимается тотъ, который установленъ для каторж-
ныхъ).

Всѣ бѣглые ссыльно-поселенцы и каторжные, въ предѣлахъ Си-
бири или внѣ ея пойманные, независимо отъ тѣлеснаго наказанія за
побѣгъ, подлежали клейменію въ томъ мѣстѣ, гдѣ они задержаны, по
опредѣленіямъ тѣхъ судебныхъ или полицейскихъ инстанцій, кои
приговаривали ихъ къ наказаніямъ. Клейма ставились у бѣглыхъ
ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ, пойманныхъ въ предѣлахъ Си-
бири, на лѣвой, а у пойманныхъ внѣ Сибири на правой рукѣ, ниже
локтя, и на лопаткѣ, съ буквами С. П. или С. К. За каждый новый
побѣгъ прибавляли новыя клейма, опускаясь ниже по рукѣ и ло-
паткѣ (тамъ же 815 и 850).

Теперь, когда клейма уже окончательно уничтожены, не мѣшаетъ
прослѣдить, какимъ подвергались они измѣненіямъ во время своего
почти 200 лѣтняго существованія. Клеймо служило знакомъ или при-
мѣтой, по которой отличался преступникъ отъ человѣка, не сдѣ-
лавшаго никакого преступления. Клеймо Б означало бѣглеца, клеймо
С. П. ссыльно-поселенца, бѣжавшаго съ мѣста причисленія, клеймо
К. означало каторжнаго и наконецъ клеймо С. К. каторжнаго бѣ-
жавшаго съ работъ. Эти клейма налагались въ отвращеніе повторенія
побѣговъ, для судей, чтобы облегчить имъ распознаваніе разряда бро-
дягъ и произнесеніе вѣрнаго приговора, когда пойманный скрываетъ
свое происхожденіе и мѣсто ссылки. Подобное значеніе клеймъ, из-
стари употреблявшихся на Руси въ видѣ различныхъ способовъ
шельмованія преступниковъ, доказывается прежними уголовными за-
конами. Такъ въ указѣ 3-го мая 1691 года мы читаемъ: «которые
люди по приводнымъ и посылкнымъ дѣламъ, по ихъ государскому
указу и по соборному уложенію и по новымъ статьямъ, по градскимъ
законамъ и въ сыскномъ приказѣ довелись смертныя казни, а той
казни имъ не учинено: и тѣхъ воровъ указали они, великіе государи,
вмѣсто смертныя казни пятнать и ссылатъ, а ушей не рѣзать, и паль-
цевъ имъ не сѣчь; и учинить въ сыскномъ приказѣ пятно, выковать
жельзное азбучное слово В. для того, буде впредь изъ тѣхъ воровъ
кто изъ ссылки бѣжитъ и объявится въ Москвѣ, было бъ почему
познать. А которые приводные жъ люди по дѣламъ объявятся въ
какихъ воровствахъ, а смертныхъ винъ они не дошли, а довелись по
уложенію жъ и по новымъ статьямъ только наказанья и казни, рѣ-
зать уши: и тѣмъ указъ чинить по прежнему своему великихъ госу-
дарей указу и уложению, ссылатъ съ наказаніемъ, рѣзать уши, и не
пятнать». Впоследствии, при Елизаветѣ Петровнѣ, появился другой
способъ клейменія преступниковъ—рваніе ноздрей. Объ немъ въ ука-

зѣ 1754 года сентября 30, о замѣнѣ смертной казни политическою между прочимъ сказано, что тѣмъ преступникамъ, «которые натуральной и политической смерти, по государственнымъ правамъ и указамъ совершенно надлежатъ, таковымъ по прежнимъ ея императорскаго величества указамъ, той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить, а дабы оныя за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ наказанія не избывали, и изъ ссылки побѣговъ не могли чинить, и за непоступленіемъ у нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія жѣ воровства вступать не дерзали, при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ, и въ прочія опредѣленные, по изъ посланнымъ правительствующаго сената, іюня отъ 18 дня 1753 года указамъ мѣста до разсмотрѣнія чинить наказанія, подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокоѣ кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, ставить палбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р; а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей. И по учиненіи имъ того наказанія, заклепавъ въ кандалы ссылать до указа въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста, по прежденосланнымъ указамъ; а въ правительствующій сенатъ, съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ въ силѣ указовъ приговоровъ, присылать краткіе экстракты, а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ, и по государственнымъ правамъ и указамъ, за тѣ ихъ воровства надлежатъ будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣють быть въ ссылку вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть». Изъ этихъ двухъ родовъ клейменія, кромѣ отрѣзанія языка, употреблявшася въ нѣкоторыхъ случаяхъ при Аннѣ и Елисеветѣ, вырѣзываніе ноздрей существовало у насъ болѣе 60 лѣтъ, именно до 1817 года декабря 25, когда по высочайшему указу было запрещено вырѣзывать ноздри при наложеніи штемпельныхъ знаковъ, а наложеніе на преступниковъ клеймъ съ литерами В. О. Р. (*) продолжалось до 15 августа 1845 года, т. е. до изданія уложенія о наказаніяхъ. По этому уложенію клеймо В. О. Р. замѣнено клеймомъ К. А. Т., существовавшимъ до 17 апрѣля сего года. Клейма эти не всегда достигали предположенной цѣли: преступники довольно часто уничтожали ихъ, сначала высасываніемъ, а потомъ приложеніемъ шпанской мушки, коры волчьего лыка, или разведенною известью, или просто кипяткомъ. Образовавшееся на мѣстѣ клейма искусственное нагноеніе оставляетъ послѣ

(*) Каторжные, когда накладывались на нихъ клейма съ буквами В. О. Р. въ шутку составили изъ этихъ трехъ буквъ цѣлую рѣчь: буква О значила у нихъ онъ (т. е. преступникъ) В—велики и Р—разуменъ.

себя одинъ только шрамъ, не имѣющій никакого признака поставленнаго прежде клейма. Одно лишь мѣсто шрама заставляло подозрѣвать о бывшихъ клеймахъ. Въ теченіе 5½ лѣтъ, намъ только разъ случилось встрѣтить человѣка, у котораго лит. К. на лицѣ сохранилась очень явственно, не смотря на то, что онъ пробылъ назначенный судомъ, кажется, 12-лѣтній срокъ, а потомъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ одной изъ подгородныхъ волостей Тобольской губерніи. Но онъ не былъ преступникъ, потому что сенатъ, признавъ его невиннымъ, предписалъ возвратитъ на родину, обязавъ предварительно уничтожить клейма. Съ этой цѣлю онъ былъ помещенъ въ городскую больницу. Продолжительная каторга однакожь не осталась безъ вліянія на его здоровье. Одновременно съ лѣченіемъ кожныхъ болѣзней, приобретенныхъ имъ въ каторжной работѣ, начали выводить и клейма, но все оказалось безуспѣшнымъ. Спустя три мѣсяца послѣ вступленія въ больницу, онъ умеръ отъ поноса.

Выше было сказано, что бѣгло-каторжные и ссыльно-поселенцы долго еще будутъ носить на себѣ знаки прежней торговой казни и слѣды бывшихъ клеймъ, что они, если на нихъ не распространяется милостивый законъ, и за новыя преступленія не освобождаются отъ наказанія плетями и шпицрутенами, поэтому все бродяги задерживаемые въ Сибири, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и внѣ ея, которые при допросахъ дадутъ о себѣ ложныя показанія, или же назовутъ себя непомнящими родства, и настоящее званіе коихъ не будетъ открыто, должны будутъ подлежать наказанію съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

1) Если бродяга, въ Сибири пойманный, оказывался съ знакомъ клейма буквою Б, или съ явственными знаками плетей, то онъ подвергался наказанію, на точномъ основаніи статей 808 и 815 Уст. о пасп. и бѣгл., какъ каторжный третьяго разряда, виновный въ первомъ побѣгѣ, и обращается въ рудники всегда на шестилѣтній срокъ.

2) Если же пойманный въ Сибири или внѣ предѣловъ ея бродяга неизвѣстнаго происхожденія имѣлъ на себѣ знаки клеймъ, установленныхъ для бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ (буквами С. П. или С. Б.), то онъ подвергается наказанію, какъ каторжный перваго разряда срочный, бѣжавшій въ первый разъ, съ обращеніемъ въ рудники, когда онъ пойманъ въ Сибири—на десять, а когда пойманъ внѣ ея—на пятнадцать лѣтъ.

3) Наконецъ, если бродяга, въ Сибири или внѣ ея захваченный и скрывающій свое происхожденіе, оказывался съ знаками кнута, шпицрутенновъ, или же клеймъ буквами К. А. Т. или В. О. Р. (по прежнимъ уголовнымъ законамъ), то онъ считается каторжнымъ безсрочнымъ перваго разряда, бѣжавшимъ въ первый разъ, сообразно чему

подвергается опредѣленному въ законѣ наказанію (ст. 808 и 815) и обращается въ работу. Если же на немъ будутъ знаки клейма С. К., то, смотря по числу этихъ знаковъ, ему назначается наказаніе, какъ каторжному безсрочному за второй или третій побѣгъ въ Сибирь или въ Сибирь (ст. 816 Уст. о ссыльн.).

Что же касается до особаго разряда людей безпаспортныхъ нищихъ-кочевыхъ, о которыхъ было упомянуто въ началѣ статьи, то они, если просятъ милостыни не по несчастію, повергнувшему ихъ въ совершенную бѣдность, а по лѣни, привычкѣ къ праздности, или даже въ видѣ ремесла, приговариваются за это къ аресту и работамъ при полиціи отъ семи дней до трехъ недѣль и потомъ отсылаются къ своимъ обществамъ на основаніи Устава о пред. и пресѣч. преступ. (ст. 1219). Если же нищие-кочевые скрыли свое происхожденіе, то наказываются какъ бродяги по новому закону 17 апрѣля.

И такъ, самое тяжкое наказаніе несутъ у насъ бродяги и бѣглецы изъ каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, и послѣдніе не пользуются даже снисхожденіемъ и тогда, когда отлучились съ поселенія въ первый разъ и не скрыли своего званія. И въ этомъ случаѣ они подлежатъ, по полицейскимъ постановленіямъ, наказанію плетьюми съ тою только разницею, что вмѣсто отдачи въ арестантскую роту или во временныя работы на заводы, водворяются въ мѣстахъ своего проживанія. Конечно, законодатель, опредѣливъ тяжкое наказаніе за побѣги и бродяжество, имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы утратить народъ; но изъ судебной практики извѣстно, что страхъ наказаній несколько не дѣйствуетъ на массу и не помогаетъ въ дѣлѣ нравственнаго исправленія преступниковъ. Да и самое позорное тѣлесное наказаніе, унижающее челоуѣка въ глазахъ публики, не только не исправляло его, но еще болѣе ожесточало, озлобляло противъ начальства и заставляло преступниковъ дѣлать новыя преступленія. Поэтому предположенная цѣль утраты народа остается недостигнутою, что подтверждается статистическими свѣдѣніями о бродягахъ, которые путешествуютъ по имперіи десятками тысячъ. Все это бродячее населеніе пробавляется на чужой счетъ подавнїями, мошенничествами, воровствомъ, а иногда и грабежами. Между тѣмъ какъ при другихъ условїяхъ и они могли бы жить собственными трудами и приносить пользу государству оплачиваніемъ податей, да и общество избавилось бы отъ вредныхъ дармоѣдовъ.

Послѣднимъ закономъ значительно облегчено наказаніе бродягъ, не имѣющихъ знаковъ клейма и прежней торговой казни, особенно пойманныхъ въ Сибирь, потому что въ Россіи назначались на годъ въ арестантскую роту и на 4 въ заводъ, а въ Сибирь отъ 10 до 12 лѣтъ въ арестантскую роту, но подлежатъ ли ему бродяги изъ разря-

да каторжных и ссыльно-поселенцев, — а они-то и составляютъ въ Сибири большинство. 10-ти, 12-ти и 20-ти лѣтняя каторга при лишеніяхъ разнаго рода заставляетъ ихъ бѣжать съ заводовъ. Не будь этихъ причинъ, можетъ быть, не было бы и побѣговъ.

Такъ какъ главная цѣль нашей статьи заключается въ уменьшеніи бродяжества между послѣдними, то, по нашему мнѣнію, достигнуть этого можно двоякимъ образомъ :

1) Оказать имъ однажды милость, подобно тому, какъ сдѣлано въ прошедшемъ столѣтіи, позволивши избрать себѣ мѣсто жительства въ Сибири, въ Новороссійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Оренбургской губерніи, — однимъ словомъ тамъ, гдѣ земли много, а производителей мало. Если сообразить состояніе преступника, которое онъ испытывалъ до каторги, начиная съ перваго заключенія въ острогъ по подозрѣнію, до прибытія на заводъ, что продолжалось прежде не менѣе 2-хъ лѣтъ, а весьма часто и болѣе, если представить себѣ тѣ нравственныя пытки, которымъ онъ подвергался въ острогахъ, этапахъ, во время препровожденія въ Сибирь (*), на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, и физическія страданія отъ смотрителей, ихъ помощниковъ, надзирателей, конвойныхъ и караульныхъ, кромѣ торговой казни по прежнему закону, то можно сказать, положи руку на сердце, что каждый бродяга, бѣжавшій съ заводовъ и мѣста поселенія, понесъ уже тяжкое наказаніе за свое преступленіе. Законъ исполнѣнъ удовлетворенъ. Бродяга изъ бывшихъ преступниковъ давно уже раскаялся и далъ слово жить честно, если удастся ему имѣть гдѣ нибудь осядлость, о чемъ они только и мечтаютъ. И дѣйствительно, мы встрѣчали ихъ въ сибирскихъ селеніяхъ, въ которыхъ они приписывались прежде довольно легко вмѣсто умершихъ, видѣли ихъ и въ Бессарабіи; вездѣ по большей части они ведутъ жизнь трудолюбивую, честную, стараясь заслужить доброе имя отъ своихъ сосѣдей, чтобы поскорѣе забыли о дурномъ ихъ прошедшемъ. Кому изъ читателей неизвѣстенъ способъ заселенія Новороссійскаго края; вѣдь туда съ 1820 года стекались бѣглые преступники и бродяги со всѣхъ концовъ Россіи; но, видѣвши теперь этихъ мирныхъ жителей городовъ, мѣстечекъ и селеній, можно ли замѣтить въ нихъ какое нибудь отличіе отъ людей, не принадлежавшихъ къ разряду преступниковъ? Рѣшительно нѣтъ. Только по скрытности ихъ, по любви къ уединенію, по нѣкоторой недовѣрчивости къ людямъ, можно иногда догадываться о прежнемъ состояніи ихъ, да и то при внимательномъ наблюденіи. Мы указываемъ на эти обстоятельства тѣмъ, которымъ съ перваго раза пока-

(*) См. нашу статью «Отъ Петербурга до Тобольска» (рассказъ арестанта) въ №№ 49, 30 и слѣд. «Зрителя» за 1862 годъ.

жется страннымъ наше предположеніе о дозволеніи бродягамъ селиться на окраинахъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ они имѣли пристанище. Тамъ они и теперь могутъ увеличить народонаселеніе, дать краю новыя производительныя силы, а государству доставить честныхъ гражданъ. Само собою разумѣется, что эта милость должна быть ограничена не очень продолжительнымъ срокомъ, а иначе можетъ сдѣлаться причиною зла. Эту милостію навѣрно воспользуется большая часть бродягъ и бѣглыхъ, странствующихъ теперь по Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Такимъ образомъ въ самое короткое время число ихъ можетъ уменьшиться. Быть можетъ многіе возразятъ намъ, что сибирскіе бродяги, привыкшіе къ безотчетной свободѣ, неспособны къ осѣдлой жизни, но мы разговаривали съ сотнями изъ нихъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ и всегда слышали душевную ихъ мысль—какъ бы пристроиться и завестись хозяйствомъ. И это не было притворствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь сибирскаго бродяги, исполненная ежечаснаго страха быть пойманнымъ, убитымъ бурятами или татарами, исполненная невообразимыхъ лишеній. Въ другомъ мѣстѣ мы познакомимъ читателей съ ихъ похождениями. А теперь перейдемъ къ другой мѣрѣ, могущей способствовать уменьшенію бродяжества въ Сибири.

2) Мѣрой этой на будущее время можетъ служить удаленіе тѣхъ причинъ, которыя производятъ и поддерживаютъ побѣги съ заводовъ, рудниковъ и золотыхъ приисковъ. *Ablata causa, tollitur effectus*, это всемъ извѣстно. Мы указали на нѣкоторыя изъ нихъ, но далеки отъ того, чтобы могли похвалиться совершеннымъ знаніемъ ихъ. Для этого нужно собрать точныя свѣдѣнія на мѣстахъ самыхъ работъ. Слышали однакожь отъ всѣхъ бѣжавшихъ, что главной причиною побѣговъ служитъ продолжительный 12 и 20 лѣтній срокъ работъ. Это можетъ подтвердиться цифрами арестантовъ, оканчивающихъ назначенные по первоначальному суду и по полицейскимъ постановленіямъ сроки. Впрочемъ, заявленное правительствомъ предположеніе объ измѣненіи системы наказаній за уголовныя преступленія составляетъ надѣяться и на уменьшеніе сроковъ. Слѣдовательно эта причина побѣговъ будетъ удалена. Остаются другія, о которыхъ упомянуто въ началѣ статьи. Но въ этомъ случаѣ, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что правительство и на нихъ обратитъ вниманіе. Если оно показало уже свою заботливость къ арестантамъ, отправляемымъ въ Сибирь, замѣнивши прежнюю пѣшеходную систему препровожденія отправленіемъ по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до Нижняго, потомъ — на пароходахъ до Перми, далѣе, кажется, на подводахъ до Тюмени и опять на пароходахъ до Томска; если оно показало также свою заботливость къ арестантамъ, содержащимся въ тюрьмахъ, по-

всемѣстнымъ учрежденіемъ тюремныхъ комитетовъ, которымъ вмѣнено въ обязанность принимать мѣры къ улучшенію ихъ быта въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ; если наконецъ заявило намѣреніе улучшить всѣ исправительныя заведенія, то есть арестантскія роты, рабочія и смирительныя дома, — то неужели лишитъ отеческой заботливости и тѣхъ же самыхъ арестантовъ, которые несутъ послѣднее свое наказаніе? Неужели и имъ не доставитъ возможность исправиться, для того, чтобъ они, по окончаніи срока работъ, начали новую жизнь, полезную для себя и безвредную для общества? А цѣль его заботливости именно такова.

X....